



Переговорный процесс

Максим Волосатый

**Все прелести Технократии**

«Автор»

2010

## **Волосатый М.**

Все прелести Технократии / М. Волосатый — «Автор»,  
2010 — (Переговорный процесс)

Мир не один, их много. В этом Степан Донкат и его друг Шойс Декстер уже убедились. Еще тогда, на Бойджере, во время своего «переговорного процесса». Но все эти миры остались где-то там, далеко. И меньше всего два друга ожидали, что эти миры придут к ним сами. И, придя, заберут самое ценное, что есть в их новой, беззаботной и приятной жизни. И вновь – здравствуй, боевой скафандр и тяжелый штурм-бот. Ты готов защитить своих близких, солдат? Что? Ты не солдат? Ты уверен? А ведь тот, кто пришел за тобой, тоже может хотеть жить...

# Содержание

То, что не должно было произойти	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	43
Глава 8	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

# Максим Волосатый

## Все прелести Технократии

### То, что не должно было произойти

Он не полетит. Он не может летать. Он не должен летать... Но он полетел.

Блестящий шарик с непропорционально маленьким пропеллером наверху, неслышно проплыв над просекой, растаял в перекрестье вечерних лучей заходящих светил. Оба солнца Алидады, уже клонящиеся ко сну, на секунду высветили блестящую игрушку и тут же спрятали ее за пеленой мягкого света. Миг – и вокруг опять вечернее безмолвие готовящегося к отдыху леса, над которым вот-вот зажгутся блестящие узоры чужих непривычных созвездий. Тишина. Только где-то далеко-далеко вздыхает уставший за день небольшой городок.

Городок..., нет – город. Город, где никто и никогда ни на секунду не усомнится в тебе. Уже не усомнился. Поддержит. Уже поддержали. Не фыркнет презрительно в спину. Не покрутит пальцем у виска. Город, где любая твоя идея может жить до тех пор, пока ты сам этого хочешь. Просто потому, что это – идея. Мысль. Почти живая. Теплая, радостная. Твоя и только твоя. Приносящая радость одним фактом своего существования....

И вот сейчас....

Не зря... Нет, не зря он рвался сюда, оставляя за спиной осколки разорванной в клочья судьбы, остатки имени. Не зря в него верили, отдавая ему все то небольшое, что имели сами. Смотрели на него и на таких, как он. Ждали....

У него получилось. Получилось! Он и сам не понял, как это вышло. Он годы топтался на месте, пытаясь воплотить идею, владевшую им. Годы бесплотных попыток. Годы разочарований. Годы бесконечных, изматывающих, безрезультатных поисков.

А десять дней назад кто-то внутри спросил его имя. Просто имя. Он услышал. Удивился. Не ответил, но присмотрелся.... И тут сквозь него пронеслась теплая волна. Мир вокруг как будто протерли влажной тряпкой. «Имя», опять попросил голос внутри, «кто ты, как твое имя»? Но ему вдруг стало не до того. Разрозненные мысли, все никак не находившие себе места в усталой голове, одновременно выстроились в четкую линию, поражающую своей простотой. И на конце этой линии ....

Немолодой мужчина с повисшими нетренированными плечами зажмурился и постарался увидеть в залитом солнцем вечере быстро удаляющийся шарик. Его лицо стало тревожным. Но вот оно разгладилось. Он увидел. Счастливо улыбнулся. Чуть нахмурил редкие брови. И где-то далеко блестящий шарик с неправдоподобно маленьким пропеллером наверху услышал его. И послушно прыгнул вправо, исполняя волю хозяина. Сделал круг и вернулся на прежний курс.

Мужчина открыл глаза. Неверяще, словно во сне, прикоснулся рукой к высокому лбу с широкими залысинами. Провел пальцами по тонкой цепочке черных квадратиков, охватывающих голову, как будто проверяя, все ли на месте. Они никуда не делись. Все датчики прочно сидели на своих местах, послушно транслируя волю хозяина.

Оно работало. Его идея работала. Его мысль стала живой. И доказательство этого сейчас летело сквозь пронизанный солнцами вечер, послушно стремясь туда, куда его отправил хозяин. Хотя летать оно не могло в принципе: кроме заглушенных двигателей его бота, нигде в радиусе тридцати километров не было ни единого источника энергии. В шарике – тоже. Но он летел.

Проведя рукой по лицу, мужчина медленно, как после тяжелой работы, повернулся и пошел к боту. Коротко прошипел закрывающийся люк, послушно взревел двигатель.... И

запнулся, набирая обороты. Еще сбой. Еще один. На панели управления коротко вспыхнул предупреждающий сигнал. И тут же погас. Звук выровнялся.

Мужчина долгим взглядом посмотрел куда-то внутрь панели. И вдруг негромко рассмеялся. Счастливым смехом человека, которого не заботят мелкие проблемы.

И, правда, смешно. Сделать то, что он сделал. Получить то, что он получил. То, чего не мог до этого никто и никогда. И не справиться с каким-то ботом....

Ну, ничего, уж теперь он справится со всем. Черная полоса его жизни кончилась.

А мелкие пакости вроде ни с того ни с его забарахлившего двигателя – это ерунда. Хотя он его проверял перед выездом....

## Глава 1

Кто ты, кто ты, кто ты, кто ты, кто ты...?

Барок бился о сознание этого существа, как о каменную стену. Невидимую и неприступную. Раз за разом, удар за ударом. Он не помнил, сколько времени он это делает. Не помнил, но и не останавливался. Нет, только не это.

Кто ты, кто ты, кто ты?

Имя, имя, скажи имя. Имя – это ключ, имя – это нить, имя – это тропа, ведущая к сути любого явления. Ему надо узнать имя. Он не знал для чего, но помнил, что ему это надо. Только тогда он сможет пройти, поговорить, слиться с этим существом. Чтобы войти в него, чтобы стать им. Чтобы, наконец, закончился этот путь. Путь без конца. Без цели и без жизни. Путь, начавшийся с ослепительной вспышки и отчаяния. Барок не помнил, почему он встал на этот путь. Он помнил только вспышку, боль, крик. А еще он помнил, что не сделал того, зачем шел. Они не сделали. Никто не сделал...

Их предали. Они не справились. Не смогли. И это было хуже всего. Барок не понимал, почему он жив. Они не смогли – и они не должны были остаться в живых. Но он выжил, если это существование можно было назвать жизнью. Бесконечное течение в полумраке. Полумраке, за пределами которого шла жизнь. Настоящая, теплая. Не его.

Он хотел. Он очень хотел туда попасть. Не раз не два и не миллион раз он пытался пройти до этой жизни. И всякий раз у него не получалось. У кого «него»? Барок не знал, кто он. Не знал, как выглядит. Не знал ничего о том, куда он идет, как и зачем. Он просто тек между полупрозрачных волн вязкого полумрака. И только призрачный узор из невесомых нитей все время висящий рядом не позволял ему исчезнуть, растечься, раствориться в этом полумраке, текущем плавными волнами, в которых иногда угадывалось дыхание настоящего мира. Узор, который подарил ему .... Кто? Барок не помнил. Все, что сохранила память, это последняя вспышка, обгоняя которую летел этот самый узор. Он и был той самой жизнью, которая у него осталась. А еще памятью.

Память была вторым и последним, после желания жить, ощущением, с которым существовало нечто по имени «Барок». Но оно, это нечто, все же существовало. И хотело существовать дальше.

Иногда между бесконечных, сменяющих друг друга волн полумрака, проскакивали светлые пятна. И тогда узор начинал плавно мерцать. В этот момент Барок мог приблизиться к настоящей жизни. Приблизиться настолько, что почти обретал третье, почти забытое, горькое в своей отчужденности чувство. Надежду.

И вот сейчас это чувство, яркое до режущей боли, вспыхнуло с новой силой. Захватило его целиком. Скрутило, развернуло и швырнуло вперед. Туда, где, почти касаясь друг друга, висели два светлых пятна. Два! Куда пойти? Выбор резал даже большее полыхающей надежды. Невесомые нити-спутники стали почти осязаемыми, светясь ровным, немигающим светом.

Барок не знал, что он будет делать в этом пятне. Он не знал, есть ли там хоть что-то, и сможет ли он существовать там. Но это и не требовалось. Обжигающая надежда вела его вперед, и все, что ему сейчас было надо – это узнать имя. И он спрашивал. Без конца и без усталости. Теряя остатки памяти, разрывая на части полотно сознания. Спрашивал, спрашивал, спрашивал....

Кто ты, кто ты, кто ты, кто ты...?

Кто ты?

Ру...

Кто ты?

Рудо...

КТО ТЫ?!

Рудольф.

И оно пришло. Мир, окружающий мир. Другой, непохожий на плавный теплый полумрак, окружавший его целую вечность. Он рухнул на него. Сразу и вдребезги. Обдав иссушающей болью вкусов, запахов, чувств....

– А-а-а-а-а!!! – нечеловеческий крик прорезал вечернюю тишину, и Барок-Рудольф ничком рухнул на пол в тесной, захлавленной комнате. В его новом мире....

– Шойс, а ты уверен, что мы все правильно делаем? – Степан Донкат чуть наклонился вперед, высматривая остатки того, что насколько секунд назад было мишенью.

– Вне сомнения, – уверил его Декстер, закинув на плечо изогнутую трубу плазменника. – Тут что главное? Попасть. Остальное – не наша проблема.

– Я не совсем чтобы это имел в виду, меня больше вечер интересовал, – Степа разогнулся, так ничего и не высмотрев среди исходящих густым чадом обломков.

Спокойная там жизнь вокруг, или не очень, но навыков бывший космический пехотинец Англо-Саксонского Союза Шойс Декстер не потерял и терять, судя по всему, не собирался.

– Так и я не то имел в виду, – гулко хохотнул здоровяк. – Попасть – это всегда главное. А остальное – как получится. Во всех смыслах. Твой выстрел, кстати. Попадешь?

В глубине рубежа поднялась фигура в нарочито угловатом бронескафандре угрожающего вида.

– Запросто, – Степа, оставив сомнения о предстоящем вечере, одним движением сбросил с плеча плавно изогнутую трубу импульсного излучателя, крепче ухватился за рукоятку, второй рукой страхуя ствол (отдача у импульсника – ого-го), и выдал две коротких точных очереди.

Два пучка острых энергетических игл прочертили полумрак тира и вонзились в подсвеченную фигуру, отрывая правую руку с зажатой в ней имитацией импульсного излучателя. Точно такого же, какой держал в руках сам Степа.

– Видал? – он обернулся в сторону Декстера.

– Видал, – ухмыльнулся тот, чуть кивнув головой. Кротко блеснула качнувшаяся подвеска в ухе.

Здоровенный сакс, не пузатый, но объемный, своими неспешными, но солидными и уверенными движениями напоминал штурмовой бот. Сходство еще более усиливало почти такое же количество различного сверкающего железа, вживленного куда только ни попадя. В том числе и в монголоидное лицо.

– Конечно, видал, – Декстер поднял вверх два пальца.

– Виктория? – довольно улыбнулся Степа.

– Два трупца, – поправил его сакс. – Один – ты, потому что стрелять не умеешь, а второй – я, потому что тебе, балбесу, доверился и не поддержал огнем.

– И с чего это вдруг? – возмутился Донкат.

– С того это, – Декстер нажал на кнопку, вызывая следующую мишень. – Во всех боевых моделях убээсов, то бишь Универсальных Бронескафандров, контур энергетической защиты выстраивается активным подвижным конусом, вытягивающимся в сторону, откуда приближается наиболее сильный потенциал. Это плазменный заряд, – он похлопал по своей трубе, – реализуется прямо там, где встречает препятствие. А у импульсников другой принцип. Два заряда в одну точку, как можно ближе к центру и с минимальным промежутком по времени, чтобы не успела восстановиться защита убээса. Понял?

Степа нахмурился, но кивнул. Сакс ослабился.

– Так что твои эффектные фейерверки – это для дам. Учись, сынок.

Неуловимым движением, никак не вяжущимся с его фигурой и неторопливым говором-рокотом, тут же дублирующимся тонкой пластиной переводчика последней модели, пристроенном на плече, он вскинул широкую трубу генератора плазменных зарядов ГПБ-14 «Факел» (на языке космоштурма «Дырка») и, почти не целясь, выстрелил. Ослепительный шар плазмы мгновенно охватил очередную мишень. Сакс удовлетворенно посмотрел на дело рук своих, догорающее на целевом рубеже, повернулся к Степе и повторил.

– Учись, сынок.

– И не подумаю, – Степа профессионально сверкнул торгашеской улыбкой. – Я вам с Соловьем еще на Бойджере все сказал. Я не космоштурм и не буду. И очень сильно надеюсь, что это все, – он покачал на руке импульсник, – мне никогда не пригодится.

– Ха-ха-ха, – отдельно ухмыльнулся Декстер. – Ты, правда, думаешь, что мы с Соловьем тебе поверили?

Степа пожал плечами. Не верите, и не надо. Подумаешь.

– Ты и в убээсе не хотел ходить, – припомнил сакс давние Степины страдания. – Много бы ты контрактов назаклучал, если бы тогда не помучался? В своем костюмчике ты бы и до поверхности Бойджера не добрался, я уж про все остальное помолчу. Одна «Жаба» чего стоила.

Даже Степина, годами выдрессированная профессиональная выдержка продавца имела свой край. Донкат наклонил голову, глядя на сакса из-под бровей.

– Шойс, – стараясь не заводиться, начал он. – Заканчивай, пожалуйста, свои боевые воспоминания. Что было, то прошло. Тот контракт заключен и исполнен. Почти полгода как. Я больше не торговый представитель корпорации «ВМН», если помнишь, и бытовыми системами больше не торгую. Бойджер больше не независимый мир Авангарда. Он уже в составе Российской Федерации Миров. И нам с тобой больше не надо бегать в убээсах, с плазменниками наперевес, чтобы доказать, что заключенный контракт на самом деле существует. Соловей по своим секретным государственным делам хочет по галактике прыгать – его право. А мы с тобой – уважаемые люди. И в тир, – он коротко кивнул в сторону догорающей мишени, – ходим исключительно ради удовольствия. Я что-то пропустил?

Если Шойс Декстер не хотел ссориться, поругаться с ним было невозможно. В этом они со Степой были похожи. Сакс ослепительно улыбнулся, продемонстрировав ряд белоснежных зубов, и подошел к Донкату.

– Все правильно, партнер, все правильно, – он протянул руку и взъерошил Степе волосы на затылке. Как раз там, где в пышной светлой прическе пряталась тщательно отращенная по моде космической пехоты Сакс-Союза плотная подушечка из волос. – Вот только ты зачем «мамкин валик» отращиваешь?

– Да так, чтобы было, – несколько сбитый с напора Степа пожал плечами.

– Вот и мы стреляем «чтобы было», – Декстер назидательно поднял толстый палец. – Коспехи, или как *у нас в РФМ* теперь принято говорить «космоштурмы»....

Он фыркнул, показывая шутку, и Степа фыркнул в ответ. Да уж, теперь, после Бойджера, когда Шойс более чем активно помог перетянуть в РФМ целый мир, в Англо-Саксонском Союзе на теплый прием ему вряд ли можно было рассчитывать. Интересно, а он по родине скушает? Хотя, какая там родина, он же сам рассказывал, что в Авангардах родился. Это уж потом его занесло в космическую пехоту саксов. Может, он потому и ушел потом в наемники? Ну а уж после того как новая «родина» его там приложила, о лояльности говорить не приходится. Так что все правильно: в РФМ такие как они называются «космоштурм». Тяжелая бронированная пехота, свято блюдущая интересы государства на поверхности планет. Эдакие маленькие крейсера штурмфлота, спустившиеся на землю. Краса, гордость и когти галактической империи. Как там говорил «бывший космоштурм» Сергей Петрович Соловей, вытаскивавший Степину задницу из всех переделок на многострадальном Бойджере? (И помолчим, что это он сам ее

туда и засунул) «Иди вперед и круши все, что в прицеле шлема показано красным. Как кончится, там и счастье». Так что ли?

От нахлынувших воспоминаний Донкат расправил плечи и тут же повесил их обратно. Чур его, чур. Тьфу, тьфу, тьфу. Какой космоштурм, какие прицелы? Все хватит, навоюались. У него теперь другая жизнь.

Но вот только Шойс Декстер, партнер и друг, похоже, придерживался на сей счет насколько иного мнения.

– Так вот, повторяю, – сакс погасил ухмылку. – Космоштурмы бывшими становятся тяжело и плохо. Так что стрелять тебе еще учиться и учиться. И, кстати, неплохо бы нам еще как-нибудь выбраться на планетку потише, в убэсах поскакать. Освежить, так сказать, навыки....

– Иди на фиг, – не на шутку перепугался Степа. – Еще придумал. А пару штурм-ботов не хочешь прикупить? Так сказать, чтобы навыков не терять.

Сказал и пожалел. Уж больно мечтательное выражение появилось на лице Декстера. Навел на мысль, называется....

– Так, – Степа решительно, хотя и не без труда, развернул объемистую фигуру Декстера в сторону выхода. – Все, с войной покончено. Я себе завтра же закажу рисунок один древний. Нашел как-то. Кружок такой с палкой вертикальной и от нее из середины под углом еще две отходят. Символ ненасилия и миролюбия. Он, говорят, сакральный какой-то. На шею повешу, как оберег. И на боте нарисую.

– На крышу станковый плазменник прилеплю..., – пригрозил, было, Шойс, но Степа, наконец, набрел на по-настоящему убийственный аргумент.

– А еще, я пожалуйюсь Элечке, – Донкат показал язык разгоняющемуся Декстеру. – И скажу, что ты собираешься....

– Все, проехали, – переводчик на плече сакса тут же заструился миролюбием и дружелюбностью. Шойс выставил вперед обе ладони, сдаваясь. – Мир тебе, брат. Я уже добрый и хороший. А про злых дядек со страшными пушками я только по витрансу фильмы и постановки смотрю.

Не дав Степе развить успех, и как следует позлорадствовать, он развернулся на месте с грацией, неожиданной для его габаритов, и направился к выходу, небрежно помахивая воздетой рукой. Донкат ухмыльнулся ему вслед. Так-то, знай наших. Слово подчас действует гораздо сильнее заряда плазмы.

– Соловья на тебя нет, – донеслось из коридора, словно в ответ на его мысли. – Ну ничего, вот подожди, он приедет....

Степа поспешил за саксом, пока он чего еще не напридумывал. А то еще сбудется....

Огромный шар тира висел на геостационарной орбите подальше от основных общественных мест. Рядом не было ни жилых групп астероидов, ни облепленных складами естественных спутников, ни громадных, похожих на рукотворные луны, офисных и развлекательных комплексов, как грибы один за другим выраставших вокруг Изюбра – центрального мира восьмого русского про-слоя Ориона.

И то правда. Космический тир создавался не для развлечения, а в качестве тренировочной базы для штурмфлота, спасателей и служб безопасности. А их образцы вооружения далеко не все так же ограничены в радиусе действия и легко контролируемы, как штатное оснащение космоштурма. Поэтому резон в удаленности был. Но как водится, военные, создавая какой-то объект, в самую последнюю очередь предполагают, что он будет использоваться еще кем-то. Засим нормальной парковки для частного транспорта не было и в помине. Консоли десантных крейсеров? Пожалуйста. Мягкие подушки для вооруженных до зубов милицейских и пограничных «скороходов»? Сколько угодно. Захваты для многофункциональных «спасате-

лей», занимающихся помимо всего еще и очисткой планетных систем от метеоритов, мелких комет и прочей захламляющей пространство ерунды? В наличии, естественно.

А вот для личных ботов – всего лишь сорок шесть стыковых модулей для командного и инспектирующего составов. И все. Если они заняты – крутись как хочешь. Деваться некуда. В общем – вечная проблема всех орбитальных сооружений.

После присоединения Бойджера, планеты, лежащей за саксонским про-слоем, перед властями РФМ в полной мере встал вопрос об обустройстве нового мира. Приведения его в соответствие с межгалактическими соглашениями, оборудования системами гала-связи, энерго-снабжения, выстраивания системы безопасности и прочее, прочее. И восьмой про-слой Изюбра из окраины империи в одночасье превратился в опорную базу для экспансии РФМ вглубь галактики. Со всеми вытекающими отсюда последствиями в виде огромного трафика различных грузов, специалистов, войск и всего того, без чего невозможно жить в новом мире.

Степе с Декстером в силу специфики их ресторанного бизнеса огромный поток пассажиров был только на руку. Но только не в тех случаях, когда дело касалось их личного отдыха или посещения общественных мест. Тут о прежнем спокойном, размеренном и неторопливом ритме окраинного мира пришлось забыть. Два термина: «парковка» и «логистика», напрочь взорвали привычный уклад жизни обитателей Изюбра.

Нынешний день был скорее исключением: Декстер нашел-таки окно в тренировочном расписании космического тира. И, что немаловажно, сумел договориться и о парковочных местах. Нет, конечно, можно, было взять и космо-такси, но что-то в последнее время Степа Донкат перестал любить этот вид транспорта. Старее? «Да нет», ухмыльнулся про себя Степа. Скорее зажался. Давно ли прыгал по системе на корпоративном корыте по имени «Пионер»? А туда же: на такси не пое-еду. И что? Степа мысленно подбочился. Пока можно, надо пользоваться. А то, глядишь, и в правду Соловей приедет. Тьфу ты, привязалось.

Донкат украдкой глянул в сторону стоящего впереди на ленте траволатора Декстера, почти скрытого огромным кофром с оружием. Тот тут же почувствовал взгляд (рефлексы дальней разведки не вытравляются ничем) и обернулся. Посмотрел на Степу и подмигнул, указывая на полупрозрачную стену, за которой густо лепились друг к другу одноместные боты. Вдалеке посверкивал парк-сигналами огромный угловатый параллелепипед: очередной «спасатель» прибыл на тренировку. Пора было сматываться, сейчас здесь станет совсем тесно.

Коротко пискнул унибраслет на запястье, сообщающий, что их парковочные места рядом. Впереди показалась площадка, за которой располагался внешний шлюз, выводящий к ботам. Сама площадка была нормальная, а вот путь к ней пролегал через небольшой коридорчик, неведомо зачем, сделанный узеньким и неудобным. Можно было просто отойти к краю, где движение бегущей ленты специально замедлялось, но сначала Шойс, а потом и сам Степа решили созорничать. Шойс зряче, а Степа – за компанию. Прыжок с места удался у обоих. А вот приземление подкачало. Декстер, взвившись в воздух, воткнулся в пол перед коридорчиком и замер, как вкопанный. Как будто и не было за плечами тяжеленного кофра. Скала. Тут было все хорошо. А нехорошо стало тогда, когда решил приземлиться Степа. Здоровяк Шойс просто-напросто не оставил рядом с собой места. Звяк, лязг, – и Степа почти повис на плечах у сакса.

– Осторожнее, – разворачиваться Декстеру стало негде, оставалось только шипеть.

– Извините, – прокряхтел Степа, с трудом обретая равновесие. – И почему у вас, военных, всегда места так мало?

– Потому что двигаться на объектах надо в строго определенном Уставом порядке, а не прыгать, как блохи, снося все на своем пути, – авторитетно объяснил сакс, протискиваясь вперед через переходник. Получилось.

На площадке перед шлюзом места было уже значительно больше.

– Ну что, по машинам? – Степа повернулся направо, туда, где за полупрозрачной стеной виднелись хищные обводы его «Параболы». Протянул руку с браслетом и запустил программу, отрывающую шлюз. В обычных местах на это требуется минута, чтобы комфортно выровнять давление, но тут был не увеселительный центр. Декстер, готовясь, разинул рот. Резкое шипение вбрасываемого воздуха, отъезжающая вбок дверь – и удар по барабанным перепонкам от перепада давления.

– Вот про это я и говорил, – скривился Степа, – когда имел в виду идеи пацифизма. Никакой заботы о людях.

– Вспомни об этом, когда сзади будет все гореть и взрываться, – фыркнул Шойс. – А дверка эта будет ме-е-едленно так в сторону отъезжать.

– Я как раз вот именно этого и хочу избежать в своей жизни, – парировал Донкат. – Никогда не попадать в ситуации, когда у меня за спиной будет все гореть и взрываться.

Еще один удар по ушам заставил его поморщиться: это Декстер открыл люк, ведущий к его боту. Донкат обернулся. В отличие от мягких, почти ускользящих обводов его «Параболы», предназначенной для получения удовольствия от скорости и маневренности, средство передвижения Шойса назвать просто ботом не поворачивался язык. Квадратная морда его «Тарантула» вполне годилась для таранных ударов при пространственных абордажах. Рубленые формы наводили на мысль о сбрасывающихся на поверхность подразделениях космоштурма, а на крышу так и просилась ноздреватая полусфера уже упомянутого станкового плазменника, который Декстер клятвенно обещался установить уже месяца три. Ну и, естественно, места в этом штурм-танке летающем было более чем достаточно. Степа иногда даже подозревал, что Шойс на самом деле брал бот с прицелом на то, что когда-нибудь ему придется участвовать в боевых операциях на поверхности. Ничем другим его размеры, мощь, и массу объяснить было нельзя. Хотя, может, сакс просто подбирал себе аппарат, в котором он всегда сможет потянуться, не рискуя разнести какой-нибудь прибор?

– Ну что, до вечера? – Донкат забросил в открытый люк кофр с импульсником и аккуратно пристроил рядом оружейные батареи.

– До девятнадцати ноль-ноль, – уточнил Декстер, педантично раскладывающий в специальных гнездах части разобранного плазменника. – Час на раскачку, и в восемь по планетному стартуем вниз. Я хочу успеть вовремя.

– Как скажете, капитан-коммандер, сэр, – Степа отдал честь на саксовский манер. – Мне все равно, это твоя сфера ответственности.

– Вот именно, – значимо согласился сакс. – Так что прошу не опаздывать.

Он закончил с плазменником, разогнулся и хитро подмигнул Донкату.

– Гарантирую, получишь удовольствие.

– Посмотрим, – Степа прыжком оказался в кресле пилота, опустил крышку люка, ткнул пальцем в сенсоры, оповещая парк-систему об отправке, и еще раз отсалютовал забирающемуся на свое «ложе стрелка» Декстеру. На сей раз по-космоштурмовски.

Сакс кивнул в ответ и «Парабола», ухнув разгонными двигателями, прыгнула вперед. Степа счастливо улыбнулся: не все в армейских объектах было неудобно. Здесь, по крайней мере, не было запретов и ограничений на разгонные скорости при старте, как, например, в «общественно значимых» местах.

Степа выжал максимум на форсаже, и вцепился в штурвал, наслаждаясь мощью двигателей. Свет окружающих звезд дрогнул, смазался и потек по лобовому стеклу. Донкат любил это ощущение. Скорость, мощь, звезды. И вселенная вокруг. Его вселенная. Ну, по крайней мере, до основных транспортных каналов-то уж точно.

Он врубил почти на полную гремющую музыку и изо всех сил вытянул на себя рычаг скорости. Судя по радарам, в его распоряжении почти тридцать минут свободного космоса. Вперед! Йо-х-хо!

## Глава 2

Он встал. ВСТАЛ. На свои ноги. Медленно, словно во сне поднял руку. Поднес ее к глазам. Долго, очень долго рассматривал ее, как будто видел в первый раз. Хотя, так оно и было. У Барока никогда не было такой руки. Такой замечательной, восхитительной, теплой, живой руки. Он повернул голову. Вернее, захотел повернуть. Тело не послушалось, задергалось. По нему одна за другой начали пробегать короткие судороги. Голова вдруг повисла, вздернулась. Рванулась вбок. Поднятая рука упала плетью. Рудольф-хозяин, спрятанный внутри, попытался вернуть себе контроль над своим телом. Э-э, нет, так не пойдет. Барок слишком долго ждал этого момента.

Ноги вдруг подогнулись и он опять рухнул на пол. Боль. Восхитительная боль! Ошарашенный Рудольф на секунду даже затих, пискнув от непривычной боли, и Барок одним движением вымел его из сознания. Уйди, не до тебя. Боль, восхитительная боль! Барок наслаждался каждым ее мгновением. У него ее никогда не было. У него вообще ничего никогда не было.

Память не вернулась. Она пришла, принесла с собой яркий ворох разноцветных ощущений, идей, намерений, желаний. Но это была не его память. Его мир, его вспышка, его узор так и остались там, между неспешными волнами мира полумрака. Барок не стал полноправным хозяином в этом теле.

Что?! Он не смог?! Он?!

Жажда жизни, жажда свободы, бесконечная тоска заточения взорвалась в голове у Барока. И бывший хозяин, несмелая, серенькая пелена, отгораживающая Барока от полного обладания новым телом, разлетелась в клочья, развеянная огненной, яркой до судорог, волной.

И свет вдруг исчез. Барок почувствовал, что больше не может наслаждаться новым окружающим миром. Горло перехватило, перед глазами заплясал рой маленьких огоньков. Стало... плохо? Только поднявшись, он опять рухнул на пол. И вот эта боль ему не понравилась совсем. Она была плохой. Она говорила о том, что это тело может перестать существовать. Прекратить функционировать. Умереть! Вот это слово.

И Барок испугался. Так, как не пугался уже давно. С того момента, как начал осознавать, что он навсегда останется в этом полумраке среди неспешно перекатывающихся волн бытия. Нет! Он не готов умереть. Не готов потерять то, что найдено после стольких лет ожидания. И он отступил. Перестал рвать на части почти исчезнувшее сознание прежнего хозяина. Он уступит. Этот Рудольф может жить. По-прежнему жить в своей голове. Эй, Рудольф, ты слышал? Ты можешь остаться, я не буду тебя изгонять.

Серые клочки разодранной в клочья пелены продолжали свое беспорядочное кружение. Барок заволновался. Дышать становилось все труднее. А что, если, он так и не сможет собраться? Нет, так не пойдет. И Барок с той же силой, какой только что уничтожил препятствие, начал собирать воедино ускользающие серые клочки. Он собирал их, складывал один к одному и, как мог, пытался заставить их держаться вместе. Дыхания не хватало. Новое тело Барока пробил пот. Нет, только не это. Только живи.

Он успел. В последний момент, но успел. Серых клочков все же хватило на то, чтобы вновь составить из них полотно, перегораживающее их общее сознание. Но она не двигалась. Не дышала. Не жила. Но в самый последний момент, когда отчаяние вновь затопило Барока, перед его гаснущим взором полыхнул чистым, живительным светом узор. Его узор. Не оставивший хозяина в беде.

Узор растянулся по всему серому полотну, прилепился к нему и полыхнул, вдыхая жизнь в драную тряпку, ставшую таковой по воле Барока. И полотно оживо. Дернулось. Заметалось. Но оживо.

В горло хлынул воздух, показавшийся Бароку вкуснейшим лакомством на свете. Так и не поделенное до конца тело обессилело растянулось на полу. Эта потасовка далась ему очень тяжело. Но Барок улыбался. Даже сквозь боль и пережитый страх. Надо же, а он и забыл, что такое «вкусно».

Почти сутки Барок провалился в комнате, выставляя новые правила своей новой жизни, которая с каждым проходящим мгновением нравилась ему все больше и больше. Теперь он уже знал, что его комната – маленькая, темная и запущенная. Но его это не беспокоило ничуть. Он больше не в полумраке, так что значат по сравнению с этим какие-то неудобства? Все поправимо.

С Рудольфом они договорились. Ну, как договорились. Он просто сидел теперь в самом дальнем углу головы, отгородившись от Барока все той же серой, неподвижной пеленой, которая с каждым часом все больше и больше напоминала стену. А перед ней висел узор. При каждой попытке Рудольфа освободиться (сколько их было: десять, двадцать) он вспыхивал нестерпимым светом, загонявшим несчастного бывшего хозяина обратно в свои, правда, очерченные Бароком, пределы.

Откровенно говоря, Барок предпочел бы уничтожить соседа. Жить с кем-то в голове – удовольствие невеликое. А оживающие по мере привыкания к новому телу и миру давние, казавшиеся исчезнувшими, воспоминания услужливо подсказывали, что и в прошлой жизни Барок не страдал излишней терпимостью и человеколюбием.

«Человеколюбие», хмыкнул про себя Барок, «слово-то какое необычное». Ну, что поделаешь, одно из многих приобретений.

Но, как бы то ни было, а правила игры приходилось терпеть. По крайней мере, до тех пор, пока он не придумает, как избавиться от этого ... , как бы его назвать? Да как ни назови, он ему уже не нужен. Теперь у этого дома новый хозяин. А все остальные прочь отсюда. Барок вспыхнул быстро и яростно (как он это делал всегда, услужливо напомнил еще один из обрывков старой памяти).

Серая пелена заколыхалась. Он что, услышал? Это как это? У них теперь все мысли общие? А почему тогда Барок ничего не слышит?

Нет. Похоже, Рудольф просто уловил общий эмоциональный настрой нового хозяина. А, и ладно. И пусть его. Барок присмотрелся к окружающему миру.

В маленькое грязное окно глянули два ярких луча с разных сторон. Солнце! Он миллион лет не видел солнца. А почему два луча? Барок заворочался и встал. Живот тут же приветствовал его громким рычанием.

Точно. А еще он миллион лет не ел, не пил, не ходил в туалет. Да и просто не ходил. Никуда.

Из горла стоящего посреди маленькой, неприбранной комнаты немолодого мужчины с повисшими нетренированными плечами вырвался счастливый рык. Он неуверенно наклонился вперед. Сделал шаг, другой, схватился за ручку двери и распахнул ее настежь. Снаружи на него глянул двойной (вот это да, его пятнистая память не сохранила воспоминаний о том, что солнца может быть два) полыхающий закат, поражающий своей торжественной красотой. Барок зажмурился и жадно, до боли в груди, вдохнул вечернюю свежесть. Его ждал новый, неизведанный, совершенно восхитительный мир. И он хотел в нем жить.

Утро второго день Барок провел, с наслаждением купаясь в лучах двух солнц. Когда счастье от пробуждения прошло, на Барока вдруг нахлынул страх, заставивший испуганно затрепыхаться все внутри. А вдруг, это все сон? Просто очередной сон, навеянный скользкими волнами полумрака.

Он вскочил на ноги и долго ощупывал себя, предметы в комнате, одежду. Вдыхал одновременно такие знакомые и в то же время чужие запахи, стараясь убедиться, что это все происходит на самом деле. Что оно не уйдет, не растает в мерных, безжалостных и бесконечных волнах бытия.

Шли минуты, но тесная, захламленная комната не собиралась никуда исчезать. И мало-помалу Барок успокоился. Вспомнил вчерашний день, своего нового «соседа». И тут же заглянул в голову, проверяя, я все ли в порядке там.

Нет, все хорошо. Рудольф, контролируемый узором, вел себя вполне прилично. Даже ночью. Барок ревизовал сознание. И тут все в норме. Голова исправно поставляла всю необходимую справочную информацию. И он успокоился.

Прошелся по комнате, заглянул в ящик, где хранились продукты. Да-да, он помнит, что он называется «холодильник». Съел какую-то холодную штуку. И сел на развороченную кровать, оценивая свои ощущения.

Ощущения были самыми приятными. Все шло, как положено. Вот только некоторые стороны новой жизни вызывали озабоченность. В частности, физическое состояние его нового тела. Барок презрительно скривился в сторону серой стены в голове. Как выяснилось, милейший Рудольф был ученым мужем. Инженером, что бы это ни значило. Мало того, изобретателем. Полное понимание этого слова к Бароку пока не пришло, но его волновала другая сторона вопроса. Он окинул взглядом свое тело и скривился. Ну нельзя же так. Воин не может доводить себя до такого состояния. Это ... неприлично.

А как прилично?

Барок напрягся, стараясь вызвать хоть какой-то отголосок прежнего умения. В том, что в той, прошлой жизни, он был воином, сомнений уже не было. Тут латаная память сработала исправно. Но, похоже, сомнений данный факт не вызвал только у него. Больше ни у кого. А что значит – быть воином? Барок задумался. Попробовал вновь обратиться к памяти. Но, увы, в этом вопросе его ждало разочарование. В отношении «каково» память молчала, как обиженный Рудольф. Ладно. Попробуем по-другому.

Барок поднял бледную руку, обтянутую дрябловатой кожей и поднес ладонь к лицу. Выпрямил ее дощечкой, прижав все пальцы друг к другу. Скривился: вместо дощечки вышла вялая бугристая подушечка. Пусть. Пальцы, вроде, сильные. Видно было, что Рудольф ими не только в носу ковыряет. Барок медленно сжал кулак, стараясь сгибать пальцы поочередно, сустав за суставом. Откуда он помнит, что так правильно?

Большой палец лег сверху, замыкая остальные и Барок со все возрастающим неудовольствием полюбовался на дело своих рук. Вернее, пальцев. Естественно, молоток из пухлой подушечки получиться не мог. Он и не получился. Получилось неровное мягкое яйцо, с трудом удерживающееся в сжатом положении. Да уж, эти руки предназначены явно для других движений. А каких? Позже. Барок выгнал из головы все лишние мысли. Сейчас он думает про путь воина и ни про что другое.

Удар сжатым кулаком вперед. Еще. Другой рукой. Не хочет работать сознание, обратимся к рефлексам. Почему-то Барок ни на секунду не задумался, что нынешние рефлексы не могут содержать информацию о его прошлой жизни.

Удар, удар, еще. Локтем. Коленом. Уф-ф. Как тяжело.... Немолодой мужчина, остановился посреди тесной комнаты и, мучаясь одышкой, оперся на жалобно скрипнувший стол.

Да уж.... Плакать в новом теле Бароку еще не приходилось, но он был к этому близок. Очень. Нет, это не бой и не удары. Это размазывание каши по стене. Спасибо, «сосед», удружил, нечего сказать. Тут до более-менее приличной формы работать и работать. Отчаяние (еще одно новое приобретение) выглянуло из-за серой стены, перегораживающей голову. А-а, так тебе эта конфетка не в новинку? Ну, что ж, мы все-таки попробуем стать похожим на человека. Начинаем? Давай. Когда? А почему не сейчас?

Почему, Барок понял очень быстро, едва начав. Когда из глубин памяти все же вылезли осколки его прежних, бароковских, рефлексов.

Он счастливо улыбнулся им, приветствуя свое прошлое, и начал повторять, казалось, навсегда забытые движения.

Удар одной рукой, рубящее движение ладонью другой. Разворот и, продолжая движение, удар. Присесть... Не упасть и размазаться, а присесть. Присесть. И встать. Встать, тебе говорят, тупой кусок мяса. Разворот. Закрыться, готовя удар. Ногой. Хэк! А-а-а...

Заплывшее нетренированное тело замерло на полу, скрючившись и пытаясь схватиться за все поврежденные места. За какое хвататься первым, Барок не знал. Пах, связки бедра, спина? Боль резала тело везде. Или все же больше болят лопатка с плечом, которыми он стукнулся, когда мышцы выброшенной вверх ноги сократились и выдернули опорную ногу из-под неуклюжего тела?

Прихрамывая и охая, Барок поднялся на ноги и поковылял к кровати. Да уж, тут заниматься и заниматься. В паху опять стрельнуло, Барок зашипел, скривился, а потом вдруг ухмыльнулся. А все же жизнь идет дальше. Он уже начинает различать оттенки боли. Под лопаткой тут же кольнуло, и Барок выплюнул еще одно заемное ругательство, свои пока не вспоминались. Боль прошла, и Барок опять улыбнулся. А, что, совсем и неплохо. Идет всего второй день нового бытия, а он уже перестал получать удовольствие от боли. Пока более чем достаточно. И где-то глубоко в голове что-то шевельнулось. Это что, Рудольф с ним согласился?

Этот и следующий дни Барок почти целиком потратил на физическую подготовку. Рудольф, оказывается, жил в доме. Отдельном. И, что особенно приятно, довольно далеко отстоящим от остальных таких же. Так что неспешным упражнениям, с которых Барок начал приведение в порядок расхлябанного тела, никто не мешал.

Пробежки, отжимания. Подтягивания (э-э, скорее, висение на ближайших ветвях деревьев). Купание в далекой речке. Короткий сон. Пробежка. И так до вечера. Не перенапряжение, но введение в тонус.

Назавтра было еще хуже. Тело стонало на все лады, жаловалось, страдало и отказывалось работать напрочь. Но тут Барок ничем помочь не мог. День страданий полностью повторил предыдущий. Разве что сон вышел крепче.

Рудольф не мешал.

В истязаниях прошло еще двое суток. Приседания, бег, прыжки. И удары. Бесконечные удары. Ногами, руками, локтями, коленями, головой. Толчки и повороты. Конечно, до любого из уровней, которые могут называться боевыми, телу Барока оставалось еще примерно так же, как и до любого из солнц Алидады, но сейчас он, по крайней мере, уже не так сильно задыхался при беге. И вот, вечером шестого дня пребывания в теле Рудольфа Барок, наслаждавшийся каждым часом этих страданий, которые приносили ему все усиливающееся чувство жизни, понял, что хочет он, или не хочет, готов или не готов, а придется отправляться за едой. Все, что было в доме, он уже съел.

Оба солнца Алидады давным-давно ушли на покой, идти куда-либо на ночь глядя было глупостью, и Барок, утвердив в голове план на завтра, пожелал бунтующему животу приятной ночи. Послушал раздраженное бульканье, удовлетворенно (в который уже раз за это время) улыбнулся и растянулся на так и не заправленной за все эти дни кровати. Утром ему предстоит очередное приятное испытание. Выход в свет. Люди. Его новые собратья. Барок закрыл глаза. Как все-таки хорошо быть живым.

## Глава 3

Чистый космос кончился, и следующие двадцать минут полета по общим трафик-каналам Донкат провел, включив долетный автомат. Расслабленно развалившись в кресле, неспешно покуривая и слушая уже другую, расслабляющую, музыку, Степа просматривал новостные ленты. Зачем ему это было надо, он бы и сам не мог объяснить. Рефлексы, рефлексы. За последние полгода, ему если и надо было что-то знать про жизнь вне слоя Изюбра, так это урожайность редких сортов вина, набором которых так любил хвастаться Декстер, ну и, может, последние течения в мире музыкальной моды. Хотя тут в силу определенных причин тоже больше должен был шевелиться сакс.

Коротко пискнул автомат, предупреждая, что полета осталось пять минут. Степа благодарно кивнул и потянулся. А все-таки в положении обеспеченного человека есть свои преимущества. Если долетный автомат «Пионера», его основного, и не такого уж давнего средства передвижения, в силу своей «непродвинутости» вел бы его по транспортным потокам часа два, рассматривая все движения окружающих ботов на ручном управлении как непрогнозируемые помехи, то мощные мозги «Параболы» без труда находили максимально короткую и быструю дорогу в мерцающей выхлопами паутине перепутанных транспортных коридоров околопланетного пространства Изюбра.

– Ручное управление, – мягко прошелестел голос автомата, предлагая взяться за штурвал Степе.

Он бы и сам справился, но медленнее, чем Степа. Бортовой компьютер бота все же не возьмет на себя смелость рисковать хозяином в сложных или запутанных ситуациях. Он предпочтет выждать. Донкат хмыкнул. Все же недоработка. То ли дело штурм-боты. Тот же ТШБ-26 «Анура», или в просторечии «Жаба», например. Тяжелый штурмовой бот, на котором Степе не так давно, во время памятной «операции» на Бойджере пришлось покувыркаться, уходя от истребителей саксов. Там у автомата только одна функция – доставить боевую единицу в заданную точку любой ценой. А уж экипаж – как получится. Степа хмыкнул еще раз. На его «Параболе» такие штуки без надобности, а вот Декстеру может и пригодиться. Пробиваться на «Тарантуле» через орбитальные пробки, например. Хотя, он мог себе и поставить уже....

Все, шутки в сторону. Донкат уселся поудобнее и перебрросил рычаг управления в режим «ручное». Бот приятно лег на штурвал. Газ, и неспешно приближающийся поселок обжитых орбитальных астероидов, где уютно прятался между облагороженных скал дом Степы, прыгнул навстречу. Перед самой парк-зоной Донкат все же сбросил скорость, надо уважать соседей. О, а вот и они. Он, точнее.

К стыковой площадке соседнего дома приближалось зеркальное отображение Степиной «Параболы». Два бота одновременно подошли к своим шлюзам и зависли рядом, ожидая, пока неспешная автоматика приготовит парковочные ангары. Степа повернул голову и поприветствовал через стекло соседа. Немолодого крепкого мужчину с короткой стрижкой. Тот с улыбкой махнул рукой в ответ. Потом показал пальцем вокруг. Мол, как аппарат? Степа улыбнулся и поднял большой палец. Все отлично, спасибо за совет. Сосед улыбнулся еще раз, и они оба двинулись в почти одновременно открывшиеся створки шлюзов.

Дом. Умная «Домосфера» распознала хозяина еще на подходе и заботливо распахнула дверь. Добро пожаловать.

– Кофе и обед, – в воздух сообщил Донкат и уточнил. – Кофе сейчас.

– Принято, – негромко сообщил ровный мягкий голос. И добавил. – У вас двадцать шесть новых сообщений. Двадцать пять четвертой категории, одно – приоритетной.

Приоритетная! Степа подпрыгнул. Пыль космическая, он забыл включить суперфон после тира! В приоритетную группу у него входил только один-единственный человек.

Кофр полетел в сторону, Донкат рванулся к ком-центру, на ходу сдирая с уха пластину суперфона. Воткнул ее в контакт базы, пробежался по клавишам включения и настройки. Категорий общих сообщений Степа себе сделал всего четыре. Первая – родители и родственники. Вторая – друзья. Третья – работа, и четвертая – все остальное. От присылаемых счетов до псевдокоммерческих предложений, в обилии рассылаемых по гала-адресам. А не входящих в общие списки групп было две. Первая называлась просто и без затей – «Декстер». Эта группа, вернее единственный, входящий в нее участник имел высший приоритет связи (прямо как в настройках боевого скафандра) и мог вклиниваться в любые разговоры Степы. Кроме разговоров с группой «Приоритетная». В которой тоже был только один участник. Единственный. Вернее, единственная. Разговором с которой Степан Донкат не пожертвовал бы ни для чего.

– Да, мое солнце, – Степа, как был, не переодеваясь, в стрелковой одежде, плюхнулся на пол перед разворачивающимся в воздухе трехмерным изображением.

– Степ, привет, – невысокая девушка с короткими каштановыми кудряшками, обрамляющими милое лицо, материализовалась над ком-центром. – Извини, что долго не появлялась, просто пришлось понырять в газовые скопления, а потом еще Игорь Денисович, ногу подвернул. Пришлось дальше без него разбираться. Ну, ты понимаешь....

Пухлые губки сложились в озорную улыбку, и замерший Донкат невольно улыбнулся в ответ.

– ... в общем, мы сейчас доступны для связи, и если ты, – она с той же улыбкой ткнула пальчиком в сидящего Степу, – сможешь оторваться от своих поклонниц, буду рада тебя слышать.

– Что?! – Донкат подпрыгнул на месте. – Какие поклонницы? Я тут монашу с утра до вечера, а она поклонницы.... Ну.... Я....

Изображение девушки исчезло.

– Эй, куда? – не понял Степа. – Назад.

– Приношу извинения, – произнес голос «Домосферы» из-под потолка. – Прозвучавшие в вашем голосе негативные интонации послужили сигналом для удаления объекта раздражения.

– Раздражения? – переспросил Степа. – Да я жить без нее не могу. Возвращай обратно.

– Приношу извинения, – еще раз прошелестел голос и изображение появилось вновь. Уже неподвижное. Такое, каким оно было в начале.

– Кофе лучше сделай, – примирительно пробурчал Степа. Как только изображение снова появилось в комнате, его бурчание тут же сошло на нет.

– Кофе готов, доставить в гостиную? – поинтересовался автомат.

– Не, сам приду, – сообщил Донкат, не отрывая взгляда от лукаво улыбающейся девушки. – А это изображение сделай бегущим.

– Как прикажете.

Степа рванул застежки стрелковой куртки, рассчитанной выдерживать случайные разряды и брызги плазмы, забросил ее в направлении шкафа (вроде, в дверцу попал, а дальше «Домосфера» сама разберется) и пошел на кухню, сопровождаемый образом улыбающейся девушки, кочующим с одной стены на другую по ходу следования. Хитрые конструкторы «Домосферы» решили, что оптическое покрытие стен, на которое можно было настроить любое изображение, слишком функциональная вещь, чтобы ограничивать ее только декором. Помимо рисунка на любое место стены можно было вывести какой угодно сигнал. Конечно, экран витранса покажет это же изображение гораздо более качественно, но для ком-вызовов особого качества и не требуется. А эффект сопровождения, когда собеседник все время находится рядом с тобой, был очень приятным дополнением домашнего уюта, который изо всех сил старались предоставить своим заказчикам спецы из «ВМН». Единственно, что трехмерные сообщения были настроены только на центральной базе ком-центра, расположенной в гостиной, а во всех остальных помещениях просто выводились на стены плоской картинкой, но и

так было неплохо. Тем более, что нехитрыми настройками собеседнику можно было придать любой вид. Степа и сам так иногда развлекался, надевая некоторых звонящих то гипертрофированными мускулами, то обнаженным женским телом. А что, прикольно. Вот бы еще Селену живую увидеть. А то, сколько можно прыгать по галактике? Ее дома ждут....

По мере движения Донката, изображение плавно перетекало из одной комнаты в другую. Кухня. Степа плюхнулся на стул, перед которым красовалась большая кружка с дымящимся кофе и посмотрел на пришедшую за ним картинку. Достал сигареты. Покопавшись в кармане, добыл зажигалку, прикурил и начал осматриваться по сторонам.

– Пепельницу дай.

Рядом со стоящей кружкой медленно, словно нехотя, образовалось небольшое углубление. Дань консерватизму. «Домосфера» штука дорогая. Степа ставил ее себе еще будучи не слишком обеспеченным торговым представителем компании «ВМН», и досталась она ему в виде бракованного образца с настройками от первоначального заказчика. А поскольку заказчики систем типа «Домосферы» люди, как правило, в возрасте, то и привычки в виде борьбы с курением, также перешли ему «по наследству». Он уже давно думал переставить себе обновленный вариант, где все настройки будут выставлены исключительно под него, но все никак не собрался.

С первым глотком кофе и первой затяжкой сигареты к нему начало возвращаться душевное равновесие. Влюбленно уставившись на улыбающееся изображение, Степа, отхлебнул еще кофе и показал рукой с сигаретой на экран.

– Контакт хочу.

– Контакт данного сообщения? – поинтересовался голос.

– Ага, – расплылся в улыбке Донкат.

– Селена Дмитриевна Коваль? – не успокаивался голос, решивший, видимо, идентифицировать желание хозяина, так сказать, до самого доньшка.

– А там что, еще кто-то есть? – нахмурился Степа.

– Номер, с которого осуществлялся вызов, зарегистрирован на ФАФ, Федеральное Агентство по исследованию проблем Фотосферы.

– Чего? – Степа изумленно поставил чашку на стол.

– Фотосферы, – послушно повторил голос. – Фотосфера представляет собой слой атмосферы звезды, в котором формируется....

– Я знаю, что такое фотосфера, – отмахнулся Донкат. – Почему номер на них зарегистрирован?

– Нет информации, – ровно сообщили из-под потолка. И после короткой паузы поинтересовались. – Установить соединение?

– Установить, – Донкат поскреб затылок, рассеянно отхлебнул из чашки и сделал задумчивую затяжку.

Участок стены, на который транслировалось изображение связи, стал дымчатым. Из него начал доноситься какой-то шум. Стена наполнилась красками, появилось изображение. Оно стало четче, объемнее. И, наконец, сформировалось лицо девушки.

– Доброе утро, любимая, – улыбнулся Степа.

– Доброе утро, – улыбнулась в ответ девушка. – Как ты узнал время?

– У меня с тобой всегда утро, и всегда доброе, – Степа обнаружил, что все еще сидит на кухне, и пошел к ком-центру. Улыбающееся лицо Селены следовало за ним по комнатам. В гостиной оно превратилось в большую голову, висящую в воздухе. Степа непонятливо свел брови.

– Я тебя тоже очень люблю, – лицо Селены стало мечтательным. Степа умилился. Эти ее мгновенные смены настроения восхищали его с момента первой встречи. Еще там, на борту гала-люкса. – Извини, что долго молчала, не было связи.

Она заметила удивленное лицо Степы.

– Что с тобой?

– Да непривычно как-то с отдельно взятой головой разговаривать, – поделился своими наблюдениями тот.

– А-а, – рассмеялась Селена. Словно раскатились серебряные колокольчики. – Это ты, любимый, отвык с ручными ком-фонами разговаривать. Что с руки транслируется, то и видишь.

– Да я, собственно, и не привыкал, – пожал плечами Донкат. – А с чего это ты перешла на ручной ком-фон?

– Другого не предлагается, – судя по движению головы, Селена пожала плечами. – Мы же сейчас в Авангардах контра-слоев Ориона. Чем федеральная гала-связь сюда достает, тем и пользуемся.

– Ух ты, – восхитился-удивился Степа. – Миры Авангардов контра-слоев? Край рукава? Зачем вы туда забрались? Из обитаемой галактики сбежать намылились?

Голова Селены завертелась, как будто она осматривалась по сторонам.

– Да ты понимаешь, – она чуть понизила голос. – Ты давно воду в вино не превращал?

Донкат впал в задумчивость. Его странные, «магические», способности, которые он вынес из загадочной аномалии на Бойджере, «Белого места», как его называли, не проявлялись уже несколько месяцев. Как же они тогда с Селеной перепугались, когда «ведьма» Селена смогла лечить людей вне зоны аномалии, а сам Степа смог силой воли изменять физические свойства веществ. Вино превращал в воду, дерево – в камень. Одну из дверей комнаты пришлось даже заменить после того, как раздухарившийся Степа бодро прищурился, захотев обработать свои новые способности во что-то полезное. Была дверь пластиковая – стала армитоновая, плохо ли? Армитоновая, может, и неплохо, а вот бумажная... хм, да вот. Но продолжался этот цирк недолго. Одиннадцать дней, если точнее. Пока «Белое место» Бойджера вкупе с остальными четырьмя, разбросанными по галактике, демонстрировало необычную активность. Но как только взметывающиеся клубы призрачного тумана перестали воздевать к небу свои руки-протуберанцы, странные способности ушли, как не было. Селена опять могла лечить царапины лишь в пределах бойджа-аномалий, а Степе и вовсе пришлось расстаться с мечтами о карьере философского камня. Хорошо хоть они, поглощенные своим почти медовым почти месяцем, не стали громогласно объявлять о случившемся. А то привязались бы разные ... исследователи, потом не отплюешься.

И вот теперь Селена опять вернулась к этой теме. Что-то случилось?

– Что-то случилось? – Степа вынырнул из своих мыслей.

– И да, и нет, – поджала губы Селена. Она еще раз осмотрелась. – Короче, слушай сюда....

## Глава 4

Лучи двух солнц, пробивающиеся сквозь щели ветхого перекрытия гаража, казалось, задались целью свести его с ума. Множество солнечных крестиков рассыпались по всему гаражу, бликуя на гладких поверхностях, и унося желания и чувства Барока куда-то далеко-далеко. Эта сверкающая мозаика что-то ему напоминала. Что-то древнее. Давнее. Что-то такое, от чего его сердце начинало биться сильнее, быстрее. Доведенный по исступлению этими воспоминаниями Барок перерыл все уголки своего невеликого багажа воспоминаний, но так ничего и не нашел. Ничего. Так откуда же берется это сладкое, странное чувство? К которому отчетливо примешивается боль. Боль потери? Утраты? Поражения? Горя?

Барок в очередной раз замотал головой, отгоняя наваждение. Нет, так дело не пойдет. Медитировать – это не сейчас. Сегодня у него и без того очень важное и нужное дело. Он собрался его сделать, и он его сделает. Стиснув зубы и упрямо наклонив голову. И никакие воспоминания ему не помешают. Все, работаем. Он посмотрел на конструкцию странной, прихотливой формы, замершую посреди гаража.

Слово «бот» на данный момент для него означало всего лишь «средство передвижения». Какие движения и в какой последовательности совершать, чтобы бот начал движение, Барок знал. Вытащил из завоеванной памяти Рудольфа. Но что он должен *делать*, он не понимал категорически.

Нет, нельзя. Барок не дал злости затопить его сознание. Злость разрушительна. Она не подскажет, какие последствия имеет каждое из действий, которые детально описаны в голове у «соседа». Наоборот, запутает еще больше. Так, расслабиться. Раз ничего другого не предлагается, надо использовать ту информацию, которая есть. Начали.

Барок сделал вдох, шумно выдохнул, чтобы успокоиться и взялся за ручку дверцы. Рывок. И он чуть не полетел вверх тормашками. Да уж, со всей силы рвать ее на себя не стоило, она открывается гораздо легче. Что ж, первый урок. Сила нужна не всегда. Дальше. Залезли.

Тумблеры. Барок ошалело уставился на невероятное количество всевозможных ручек, рукояток, кнопок, экранов и переключателей, красовавшихся перед ним на панели управления. Несколько секунд ошарашенного рассматривания, и Барок испытал очередное новое чувство. Больше всего оно напоминало... страх. Не тот, который заставляет дрожать все тело, сдаваться на милость врага или орать дурным голосом. А тот, при котором очень хочется аккуратно закрыть за собой дверь и тихо-онько, на цыпочках, сбежать как можно дальше. Потому как сделать тут он не в силах ничего. Ну как, скажите, он будет разбираться со всем этим хозяйством?

Как? В Бароке всколыхнулась ярость. Одновременно знакомая и незнакомая. Его личная, не Рудольфа, ярость. Та самая, которая.... Ну.... Нет, не вспомнить. Старая память тут не помогает. Барок стиснул зубы. Он уже начал привыкать к отчаянию, которое неизменно приносили эти взрывающиеся в голове обломки прошлого. И трансформировать это отчаяние в дело.

Вот и сейчас, вновь нахлынувшее чувство потери смешалось с яростью и заставило непослушное тело взяться за рычаги на панели управления. Так, что мы тут помним? Это? Это? А еще это и это? Окрыленный своей злостью, Барок перебрал все рычажки, которые помнила его измученная голова. Начали.

Взи-и-и-и-и! Тиу-тиу-тиу! Дза-дза-дзааа!

Приборная панель полыхнула всеми цветами спектра. Сразу с десятков дисплеев заморгало, запульсировало, привлекая внимание. По ушам резануло свистом, воем и звоном предупреждающих сигналов.

От испуга Барок вздрогнул всем телом. Поступок, недостойный воина. Но страшно ведь....

– Детос тагоч! – вырвалось у него.

Ругательство. Барок замер, как пораженный громом. Что это? Откуда? Откуда он это знает? Помнит? Да, помнит. Это его. Это его выражение. Оттуда. Из прошлой жизни. Кусок его прошлого. Простое ругательство. Маленький кусочек. Огромный кусок. Детос тагоч....

Ну же.... Еще, вот оно.... Но нет. Память предательски молчала. Опять. Ничего. Пустота. Немая, мертвая пустота. Только ругательство. Сладкая горечь его маленького мира, пришедшего вслед за ним. Откуда...? Тишина. Захотелось плакать.

За воспоминаниями Барок настолько отвлекся от происходящего, что возвращение в реальный мир вышло несколько нервным. Тревожный предупреждающий вой датчиков заставил очнувшегося Барока подпрыгнуть на месте. Да что вы все от меня хотите?

Уже совершенно потерявшийся Барок заглянул в себя. Голова, ты где? И вдруг, видимо, для разнообразия, в этот раз голова сработала.

Уделяя внимание каждому датчику в отдельности, Барок таки навел порядок. По одному отключая или перенастраивая каждый из них, он добился того, чтобы панель приобрела нормальный вид. Такой, который не вызывал отторжения у местной части его естества.

Ф-фух, все. Вроде все. Барок еще раз проверил все показатели на приборной панели, медленно отжал рычаг скорости, и отправил бот наружу, к солнцам.

И уже на выходе получил последнюю плюху. Внутренние приборы бота – это были не единственным, что следовало проверить перед вылетом. Если предварительно не открыть дверь гаража, то получится.... Ай....

Но к счастью, в щепки разнесенная деревянная дверь гаража оказалась финальным испытанием на пути к городу. А по приезду Барок и думать забыл об этих мелких препятствиях. Стало не до того.

А ведь не так и далеко от города жил Рудольф. Барок не успел даже получить удовольствие от скорости, как короткий полет закончился. На горизонте показались очертания чего-то, что явно было создано руками человека. Начинается город? Пожалуй.

Либрация. Барок покатал на языке название городка, вытасченное из памяти Рудольфа. «Покачивание видимой части естественных спутников...», чушь какая-то. И кому только пришлось в голову назвать так город? Ученым? Ну да, ну да, Барок уже привычно принял факт, что в его прошлой жизни он довольно прохладно относился к представителям части своего общества, занимавшихся чистой наукой.

Сама по себе Либрация была невелика – сорок тысяч жителей. Барок не знал много это или мало, но его это и не волновало. Магазины есть? Есть. И хватит для начала. Остальные поселения Алидады были значительно меньше, да и располагались дальше. Барок не стал их даже рассматривать. Придет время, разберется. Сейчас в приоритете другие дела.

Так, а что это у нас тут моргает? Чего хочет? Слишком быстро? А кто ты есть, чтобы указывать мне? Как хочу, так и лечу.

Но сбросить скорость все же пришлось. Вернее, не пришлось. Бот сам начал сбрасывать скорость. Барок было завертелся, но быстро понял, что его оттормаживают извне. «Автоматические контролеры трафик-системы», выдала объяснение происходящему память Рудольфа.

Ну ладно. Барок унял свою мгновенно вспыхнувшую ярость. Он пока здесь никто, чтобы диктовать свои условия. Да и в городе ему нужна пока только еда. Не готов он ни к чему большему. Уже освоившись за время полета, Барок вывел на центральный экран карту Либрации, на краю которой пульсировала нежно-зеленая точка. Пункт назначения. Место, где Рудольф покупает еду.

И уже в магазине, похожем на длинный коридор, Барок понял, что появление в традиционном для прежнего хозяина месте было не самой лучшей идеей.

Само здание магазина представляло собой огромную прямоугольную коробку, занимавшую место, размерами схожее с небольшим парк-полем для пространственных ботов, как себе его представлял бывший хозяин тела Барока. Собственно, это был просто склад, вдоль длинной стороны которого протянулся кажущийся бесконечным ряд больших проемов, где происходила выдача товаров.

Сам заказ Барок сделал заранее, из дома. Память обеспечила его необходимой информацией, связанной с процедурой выбора товаров, но самим процессом он утруждаться не стал. Выбирать надо было с помощью какой-то моргающей разноцветными лампочками коробки, а с ней Бароку подружиться не удалось. Вспышки, писки, бесконечные требования ввести чего-то там. Нет, это не для него. Пока. Он просто попросил память получить все то, что в последний раз получал Рудольф. И вышло лучше некуда. Надпись «повторный заказ» появилась всего лишь два раза, и после второго подтверждения бодро сообщила, что на его унибраслет направлена вся необходимая информация. Барок здраво рассудил, что, раз в доме до этого была какая-то еда, которая его полностью устраивала, то еще сколько-то дней на этом наборе он проживет без видимых проблем. Счастье еще, что унибраслет большинство функций выполнял сам. Достаточно было его всего лишь поднести к платежному терминалу.

Так что в задачу Барока сейчас входило всего лишь добраться до ближайшего проема, предъявить браслет и забрать давным-давно приготовленный набор продуктов. Потом загрузить это все в бот – и домой. Виделось все очень просто. Но, как помнили они оба, и Барок и Рудольф, ни один план еще не осуществлялся в том виде, в котором он был задуман.

Началось все с самого заказа.

– Я делал заказ, – ровно проговорил Барок, подойдя к ближайшему проему и ожидая, что ему кто-нибудь ответит. Ответом ему была тишина. Не совсем чтобы тишина, вокруг было довольно шумно. К соседним проемам то дело подходили люди, носили какие-то коробки, везли тележки. Ездили приземистые автоматические механизмы, перевозящие на себе упакованные свертки.

Но проем Барока встретил его зияющей пустотой. Барок нахмурился. Первым его желанием было врезать кулаком по белоснежной полке, красующейся посередине проема. Как это так? Он сделал заказ. Он прилетел сюда. А его никто не встречает? Эй, холоп.

Но Барок все же сдержался. Не время сейчас. Он просто пожал плечами и перешел в другой проем, от которого только что отошла молодая женщина с объемистым пакетом. Тут-то уж точно кто-то да есть. Он ошибся. Второй проем шеголял точно таким же полным отсутствием живых существ. Барок разозлился, а потом напрягся. Что происходит? Они специально от него прячутся? Он что, не похож на Рудольфа?

Но все оказалось гораздо прозаичнее.

– Рудольф?

Барок не отреагировал никак. Он в этот момент по пояс засунулся в проем, высматривая кого-нибудь, кто сможет ему помочь. Никого. Аккуратная чистая площадка за проемом была пуста. Две кремовых стены, светлый потолок, и раздвижные двери в дальнем конце. Все. Никого и никаких товаров. А как тогда ...?

У кого бы спросить? Барок хотел, было, завертеть головой, но вдруг фыркнул и чуть не хлопнул себя по лбу. То есть, как «у кого»? А «сосед»? И как он про него забыл?

– Рудольф?

Голос сзади приблизился, но Барок не обратил на это никакого внимания. Он был занят, стараясь достучаться до серой пелены в голове.

– Рудольф.

Детос тагоч, он же его зовет. Это он его за Рудольфа принял.

– Да? – развернулся Барок.

Движение вышло резким. Пухленький мужчина средних лет с редкой иссиня-черной шевелюрой и такими же черными, неожиданно пышными, усами отшатнулся, сделав два шага назад.

– Рудольф, здравствуй. Ты меня напугал.

– Здравствуй, – ровно отозвался Барок, роясь в голове в поисках подсказки.

Кто же это, кто... Есть.

– Здравствуй, Тиллоев Агабек Юсуфович.

– Рудольф? – неуверенно переспросил незнакомый знакомец. Его черные глаза чуть расширились.

Барок напрягся. Что он сделал не так?

– Да?

– У тебя все в порядке?

– Да, – стараясь говорить как можно нейтральнее, ответил Барок. – У меня все в порядке.

– Тебя что-то давно не было видно.

– Меня что-то давно не было видно. Я был занят, – сообщил Барок.

– Занят? – переспросил обладатель черных усов.

Почему-то именно они больше всего привлекали внимание Барока. При каждом движении крупных пухлых губ Тиллоева они как будто начинали жить собственной жизнью, шевелясь не в такт произносимым словам.

– Занят? Чем?

Барок задумался. Что отвечать? Но тут Тиллоев сам помог ему.

– А-а, это ты грант стариков, наверное, до ума доводил? – «догадался» он.

Барок, благодаря памяти Рудольфа, знал, что есть «грант». Правда, как его можно доводить до ума представлял с трудом. Но раз этот усатый так уверен в этом варианте...

– Да, я доводил до ума грант стариков, – любезно, как ему казалось, согласился он.

Усатому Агабеку, однако, так не показалось. Он отодвинулся еще на шаг, окинув Барока подозрительным взглядом.

– У тебя все в порядке? – еще раз спросил Тиллоев.

Тут терпение Барока кончилось. Остатки старой памяти не говорили об этом периоде его прежней жизни ничего, но сам Барок был уже практически уверен, что глупых вопросов он всегда терпеть не мог. Как и существ, их задающих. Но вот как он с ними поступал? Рваная, раненая память, обрадованная возможностью хоть как-то услужить, тут же радостно подсунула видение оторванной головы. «Да?», удивился про себя Барок, «Я так делал?». И перевел задумчивый взгляд на пухлого усача.

Видимо, что-то от использованных воспоминаний все же сохранилось во взгляде Барока, потому что на лице Тиллоева проступил самый настоящий страх. Он сделал еще один шаг назад, но тут Барок вспомнил про свое положение. Да, кстати...

– Нет, – все еще стараясь говорить как можно вежливее, сообщил Барок. – У меня не все в порядке. Я доводил до ума грант стариков и очень устал. У меня кончились продукты, и я пришел сюда, чтобы их забрать. Однако, здесь нет никого, кто бы мог мне помочь.

Сказал и удивился еще большему непониманию, появившемуся в глазах Тиллоева. Непониманию, которое все больше перемешивалось со страхом. Да что теперь-то не так? Усы Агабека встопорчились, он сделал еще шаг назад, но тут уже Барок решил не отступать. Не понимаешь по-хорошему, давай по-плохому. Он вперил взгляд в глаза Тиллоева и произнес с нажимом.

– Остановись. Мне нужно помочь забрать продукты. Ты мне поможешь?

Взгляд пухлого вдруг стал отсутствующим. Странно как-то, но, хоть страх из него ушел...

– Да, – как-то неестественно размеренно ответил он. – Конечно, я тебе помогу забрать продукты.

О, обрадовался Барок. Вот, оказывается, как надо. Он понял, здесь не надо быть вежливым. Вежливого здесь ждут только глупые вопросы и никакой еды. А нажмешь, сразу получишь все, что хочешь. И это чувство почему-то согрело его. Неужели? Он и раньше так делал? И это было правильно? Правильно? Да? Смутное эхо памяти донесло до него какой-то непонятный шум. Барок прислушался. Детос тагоч, пусть он тут умрет с голоду, если это не подтверждение. Ободренный Барок нахмурил брови.

– Как мне забрать заказ?

– У тебя на руке браслет, – все так же невыразительно сообщил Тиллоев.

– Этот? – Барок, все еще стоя в проеме, поднял руку.

И тут случилось чудо. На срезе одной из стен загорелась лампочка, до этого полностью сливавшаяся с поверхностью, раздался писк, и приветливый женский голос произнес:

– Здравствуйте, Рудольф Андреевич, ваш заказ уже готов. Он будет доставлен в течение тридцати секунд. Благодарим вас за то, что воспользовались услугами сети магазинов «Алида-Либрация».

Ух ты. Барок, забыв про усатого Тиллоева, развернулся к лампочке. Возле нее на стене появился небольшой экран, по которому неспешно поползли строчки перечня продуктов, которые он заказывал. Барок попытался вчитаться, но еще не тренированная на чтение голова не восприняла новую информацию. Ну, и не надо. Главное, что дальние ворота распахнулись, пропуская тележку, везущую его заказ...

Дето-о-ос таго-о-оч, оторопел Барок. Это что, он вот это все заказал? Он? Они ничего не перепутали?

Гора товаров, лежащая на тележке, выглядела очень внушительно. Огромные коробки, тюки, коробки поменьше. И куда он это все денет? И как потащит до бота? Барок оглянулся. Пухленький Тиллоев медленно, шаг за шагом отходил от него. Его лицо выражало полное непонимание происходящего. Так, этот вариант информативной помощи отпадал. Его только позови, рванет отсюда бегом. Барок мысленно пожал плечами: а что такого он ему сделал? Попросил помочь?

Ладно, он опять остался один. Хотя, стоп. Как один? В смысле, один, конечно, но память-то рудольфовская на что? Как это он про нее забыл? Э-эй, Барок заглянул себе в голову. Как в прошлый раз ты это все забирал и грузил? На сей раз ответ почему-то пришел почти сразу. Одновременно порадовав и расстроив. Хороших новостей было две. Первая: в его бот это все влезет. И вторая: если открыть воротца в проеме, тележка сама доведет заказ до бота. Только надо доплатить и заодно дать считать тележке коды бота, чтобы она могла самостоятельно его определить и найти.

Но на этом положительные эмоции заканчивались. В прошлый раз всю эту гору грузили шесть человек. Подождите, Барок нахмурился. В его воспоминании тележек было ... три? И тут же, словно подтверждая состоятельность его приобретенной памяти, из ворот показались еще две тележки. На каждой из которых громоздились ничуть не меньшие кучи. И это все ему одному?! Барок, помнится, за все эти дни не съел и двадцатой доли того, что громоздилось на тележках. Ничего себе милейший Рудольф жрать горазд...

Ой-ей-ей. Ошарашенный Барок поднял прилавок, служивший одновременно перегородкой, и поволил браслетом перед первой тележкой, тут же сунувшейся к нему. Непонятно, что она там «унохала», но, тем не менее, чуть повернувшись, бодро пошелестела куда-то за спину Бароку. За ней устремились остальные две. Отчаянно пытающийся придумать выход Барок замыкал процессию, вертя головой в поисках дополнительной информации.

Вроде, нашел. По парк-полю то тут, то там сновали такие же тележки. Одни, или в сопровождении людей. Изредка попадались и караваны, похожие на его. Барок чуть подуспокоился: не один он такой. Как выяснилось, успокаивался он рано.

Ноющая спина ознаменовала победу над первой из терпеливо ожидающих своей очереди тележек, когда с трудом разгибающийся Барок (да уж, шести дней тренировок для этого, не такого уж и молодого тела явно недостаточно) краем глаза заметил движение, вектор которого был направлен в его сторону.

Так. Еще гости. Кто на сей раз?

Гости оказались и «еще» и те же. По ровному покрытию парк-поля в сопровождении быстро перебирающего ногами Тиллоева к Бароку шел какой-то старик. Барок присмотрелся внимательнее. Нет, не старик. В отношении приближающегося человека уместнее было использовать слово «старец».

Величавый шаг, длинное одеяние. Окладистая седая борода, такие же белоснежные волосы. Густые брови, из-под которых на Барока внимательно смотрели выцветшие от возраста глаза. Тут в голове у Барока произошла некоторая путаница. С одной стороны, воспоминания Рудольфа говорили о том, что вид старца – это нормально и привычно. А с другой, облик приближающегося старика настолько диссонировал с окружающим миром, стартующими ботами, роботами-тележками, удобной и практичной одеждой проходящих мимо людей и многим прочим-прочим, что предстоящий разговор обещал быть каким-то ... неестественным.

– Здравствуй, Рудольф, – голос старца полностью соответствовал его облику. Глубокий, величавый.

– Здравствуй... те, Серафим Гермионович, – в последний момент память все подсунула правильный вариант обращения.

Барок с трудом выпрямился. В пояснице что-то хрустнуло, и он против воли схватился за больное место.

– Я смотрю, работа над грантом одновременно и идет тебе на пользу, и нет, – старец чуть сощурил глаза.

Барок промолчал. Информации в вопросе старика было ноль, а как себя вести с ним, память Рудольфа не сообщила. В связи, кстати, с этим Барок чуть нахмурился. А действительно, как-то странно все это.... Человека он помнит, что он делал и когда – тоже, а вот как к этому относиться....

– Что с твоими случилось? – не дал ему додумать мысль до конца старец. – Почему один работаешь?

– А что, что-то не так? – автоматически ощерился Барок, игнорируя слабые предупреждения памяти. Да пошел он.... Какое его дело, один он работает, или нет?

– Именно это я и хотел узнать, – глаза старца-Серафима буровили Барока, нервируя и мешая сосредоточиться. – Ты появляешься здесь после длительного отсутствия. Один, без помощников. Разговариваешь, как автомат. Небритый, немывтый, грязный....

«А что надо мыться?» удивился Барок. Зачем? И что такое «бритый»? И как только задался вопросом, тут же получил ответ: ой, а ведь и, правда, надо. Детос тагоч, в голове как будто открылся шлюз в ангар, где лежали до этого никому не нужные воспоминания, высыпающиеся на него, как снежный сугроб. Барок не спрашивал, Рудольф не говорил. Вот и не нужны они были. А как только ситуация привела его к этому, тут же выяснилось.... Фу, как же он воняет....

– ... резкий, – продолжал старец, не обращая внимания на «открытие» Барока. – До заявленного тобой срока остался месяц, а ты забираешь из магазина точно такой же набор материалов, который заказывал до начала работ. Что произошло? Преимущества твоей идеи были

не настолько очевидны, чтобы бездумно расходовать деньги Коллегии. Твое финансирование далеко не бесконечно.

Вот опять. Барока охватило то самое чувство. Из новораскрытого шлюза воспоминаний на него высыпался ворох информации, а что с ней делать, куда пристроить, он не знает. То, что некая Коллегия дала ему денег, он помнил. Что этот старец имел право спрашивать про них – тоже. А вместе эти, и еще огромная куча фактов, как-то не сходились. И еще вонь эта....

– Что ты вертишься? – подозрительно поинтересовался Серафим Гермионович, заметив, наконец, метания Барока.

– И в самом деле, – Барок сморщил нос, оглядывая себя в поисках места, откуда воняло сильнее всего. – Я давно не мылся. Запустил себя. Это неправильно.

– Совершенно неправильно, – подтвердил несколько сбитый с толку старец. – Но я спрашивал о другом.

Барок перестал вертеться и посмотрел на старика. О чем? Ах да, деньги. Какие деньги? Ну же, память, обратился Барок к наследству Рудольфа. Давай, работай. Что он от меня хочет? Что я кому должен? И как мне от него сбежать?

Последний вопрос оказался правильным. Проявившиеся в голове образы сами собой сложились в нужную картину.

– Все в порядке, – облегченно сообщила автоматическая память Барока, ничуть не кривя душой. – Работы ведутся в соответствии с графиком. Опытный образец уже готов....

Да? Изумился про себя Барок. Готов? Надо же. А, интересно, образец чего?

– ... Эти материалы необходимы для изготовления дубля. Сдвоенное исполнение, я считаю, позволить добиться должного синергетического эффекта.

Барок замолчал, удивляясь собственному языку. Это что он только что сказал? И кому? Старец тоже взял секундную паузу.

– Вот теперь я верю, что с тобой все нормально, – неожиданно усмехнулся он. Правда, усмешка вышла несколько пренебрежительной. – Все те же самые сказки. Сплошная болтовня и никакого результата. Только деньги уходят, как в песок. Немалые, между прочим, деньги. Такие нужные для общины. Расходующиеся на ... ерунду.

Барок слушал старца, расходящегося все больше и больше, но эмоций не проявлял никаких. Даже странно. Вроде, не в его правилах, его древних правилах, было терпеть подобное обращение. Но, нет. Ярость молчала, не желая тратить себя на брызжущих слюной стариков. И правда, что он, воевать с ним будет?

Но эмоции пришли оттуда, откуда их не ждал никто. Серая пелена в голове вдруг колыхнулась, подалась вперед. Дала трещину. И рот остолбеневшего Барока вдруг сам собой распахнулся....

– Ерунду? Да вы... как вы можете? Вы, никогда не удосуживавшиеся выглянуть из своих шор.... Не считающиеся ни с чьим мнением. Ерунду? Мой новый взгляд.... Я... докажу вам....

– Точно, все в порядке, – презрительно скривил губы старец. – Тот же словесный понос, те же громкие слова, за которыми ничего не стоит.

Он кивнул на тележки.

– Дубль, говоришь? Синергетический эффект? Ну-ну.

– Да вы..., – захлебнулся было возмущением вылезший из своей скорлупы Рудольф (надо же как его зацепило, все блоки Барока слетели в секунду).

– Да вы....

Но тут с удивленным интересом наблюдавший за этой сценой Барок решил, что пора брать управление на себя. А то с таким подходом, соседushка, ты далеко не уйдешь. Конечно, если так бляеть, кто ж тебя слушать-то будет.

Он покопался в голове, собирая справочную информацию, собрал и резко зашвырнул истерящего Рудольфа обратно за серый полог. Все, ты себя уже показал, хватит. Пришла пора нормального разговора.

– Да вы..., – щелк, Барок вернулся в разговор. – Срок исполнения гранта не закончен. Полномочия, выданные мне Коллегией, позволяют мне расходовать выделенные средства по моему усмотрению. Данный разговор не имеет смысла. До свидания.

Барок развернулся и взял со второй тележки верхнюю коробку. И правда, хватит болтать, а то он до утра тут грузиться будет.

Старец заткнулся. Непонятно, то ли Барок и правда его уел, то ли потерял дар речи от подобной наглости, то ли ошарашен мгновенной сменой действующих персонажей. Барок мельком пожалел, что так резко сменил стиль разговора. Как бы еще сумасшедшим не объявили. Но, как бы то ни было, а через несколько секунд, за которые Барок успел перегрузить еще одну коробку, от старца донеслось нечто, смахивающее на змеиное шипение.

– Посмотрим.

Краем глаза пыхтящий Барок увидел взметнувшееся одеяние. И тут же раздались удаляющиеся шаги. Вот и все. Вроде, пронесло. Больше языками болтали. Но впредь надо быть осторожнее со знакомыми. Слишком мало информации для общения. Мало? А ведь нет, информации более чем достаточно. Тогда что?

– Встретимся на заседании Коллегии через месяц, – донеслось до Барока.

Так, похоже, у него теперь есть временные ограничения по вхождению в местную жизнь. Ну что же, будем разбираться. Барок поджал губы, таща очередную коробку. Он непростительно мало времени уделял окружающему миру. Придется это исправить. Для начала неплохо бы выяснить, а он вообще где?

## Глава 5

Либрация осталась позади. Грузовой отсек бота был под завязку забит товарами с тележек, спина ныла, руки отваливались, измотанное тело категорически отказывалось совершать любые движения, голова раскалывалась, но Барок не дал себе ни секунды расслабления. Произошедшее на парковке говорило о том, что у него не будет шанса тихонько пожить в новом теле, постепенно осваиваясь в незнакомом мире, неспешно и методично набирая информацию. И поэтому все полетное время Барок посвятил получению из памяти Рудольфа справочной информации о своем новом мире. К моменту прилета домой обладал уже более чем приличным набором знаний.

Теперь он знал, что значит «галактика». Видел почти целиком заселенный и обжитый рукав Персея, слоями поделенный между основными расами и государственными образованиями людей. Вместе с Рудольфом активно не одобрял всю эту мелочную суесть: деление власти, обжитых планет, ресурсов. Видел крошечные слои государств в соседних рукавах галактики, которые, за недостатком человеческих ресурсов всего лишь номинально обозначали присутствие государств в той или иной части рукава. Знал, что то, что называется Мирами Авангарда – это просто звездные системы, до которых еще не дотянулись ничьи руки. И в этих Мирах Авангарда, в малообжитом рукаве Стрельца, с краю, возле «азиатского» про-слоя, он видел маленькую систему двойных звезд с шестью пригодными для жизни мирами, в которой вращался аккуратный зелено-голубой шарик – уютная планета под названием Алидада.

Система, помимо Алидады включающая в себя еще пять условно обжитых планет, носила название, которое сразу сообщало любому ею заинтересовавшемуся о пристрастиях и государственном устройстве занявших ее людей.

«Технократия». Барок покатал на языке, попробовал произнести слово вслух. Ничего. Никаких эмоций и ассоциаций. Только значение. Вот это-то и настораживало. Почти полное отсутствие каких-либо эмоций.

С момента попадания в тело Рудольфа, Барок был настолько занят решением насущных физиологических проблем, что не придавал этому никого значения. Просто не увидел этого. А вот сейчас, начав копать конкретную проблему и выстроив сравнения, Барок тут же наткнулся на тот факт, что почти все эмоции, которые он испытывал, были его собственными. Принесенными из полумрака. За редким исключением.

Писк автомата, сообщающего, что до дома остается менее десяти минут полета, заставил Барока отложить аналитическую деятельность. На время.

Совершать второй подвиг за день, в одиночку разгружая бот, было полнейшим идиотизмом. И Барок, наплевав на скоропортящиеся продукты (выискивать их среди прочего хлама было делом безнадежным), выдернул из груды первую попавшуюся коробку с чем-то, судя по надписям, съедобным, и потащился в дом. Поесть, попить, сходить в туалет и засесть за обдумывание проблемы. Похоже, миляге Рудольфу в этот раз не отсидеться в теплом уголке.

Все намеченные процедуры заняли у Барока меньше часа. Еда приятно тяготила желудок, усталое тело просило отдыха, но все, на что расшедрился Барок, была большая чашка напитка, название которого он случайно подцепил в ревизуемой памяти. Сказать по правде, если бы напиток не обладал тонизирующими свойствами, то не было бы и его. Барок ослаблений ни себе, ни своему новому телу делать был не намерен. Их и так до его прихода сюда было более чем достаточно. У всех. Хотя память четко показывала, что Рудольф в прежней, добароковской, жизни выпивал не менее четырех чашек этого самого «кофе» в день. Ну, это туда же, к послаблениям....

Всё, естественные потребности выполнены, технические условия соблюдены, пришла пора размышлений. Усевшись на так ни разу за все эти дни и не запроваленную кровать (старец был прав: мыться и поддерживать чистоту необходимо, но это позже, не сейчас), Барок сделал большой глоток обжигающего напитка, скривился от горечи и отставил чашку в сторону.

Так, теперь попробуем разобраться, что происходит. Барок посмотрел внутрь себя. Все, что он смог понять из своих наблюдений, говорило об одном: похоже, серенький тихоня Рудольф поделился с ним только физиологическими ощущениями. Ну, еще знаниями, голой информацией. Но взамен оставил себе... Что? Пришла пора детального анализа.

Барок прислушался к себе и начал вытаскивать из всех дальних уголков памяти старательно запрятанные воспоминания, которые там, в полумраке, между бесконечных волн струящегося бытия, могли его убить, освободил он их хоть на минуту. Тогда он бы не выдержал груза памяти. Сейчас – другое дело. Сейчас все остатки воспоминаний были более чем кстати. Потому что сравнивать ему его новые ощущения больше не с чем.

Начали. Он вертел эти осколки так и эдак. Сравнивал, фильтровал, сегментировал. Пытался моделировать различные ситуации с их применением. Вспоминал примеры из последних дней. Время от времени прикладывался к чашкам с кофе, который уже не казался таким противным. Час, два, три... И, наконец, нашел. Понял, в чем проблема.

Смотрите, господа. Вот он видит, например, стул. Видит? Видит. Ощущает? Без сомнения. Осознает? Конечно. А что именно он осознает? А осознает он только черно-белую картинку. Факт существования физического объекта с набором определенных функций. Для него стул – это предмет мебели. Интерьера. Предмет, на котором сидят. А еще? А, пожалуй, и все.

Вот. Вот оно. Он не понимает, хорошо это, или плохо, не чувствует ничего, что может быть связано с этим предметом. Этот стул, он красивый? А что это такое? Информация об этом слове была, а чувств, чувств самого Рудольфа, не Барока, – не было. Хорошо, попробуем по-другому. Крепкий? Барок покачал заскрипевшую конструкцию. Пожалуй, да. А удобный? Опять не с чем сравнивать. И голова молчит. Барок даже немного ошалел. Ну ничего себе. Вот так засада. Вот так Рудольф. Это что же ты, паразит такой, лишил меня столько... А, самое интересное, что он, Барок, об этом даже не подозревал. Жил себе и жил все эти дни. Как тупой механизм вроде автомата в боте. Конечно усатый Тиллоев испугался, когда увидел перед собой начисто лишённое эмоций тело, монотонным голосом повторяющее его слова. Испугаешься тут....

Э-э-э нет, дружок, растянул губы в плотоядной усмешке Барок, так не честно. А личностные ощущения и оценки где? Где эмоции? Все, а не только те, которые Барок с трудом вытянул из своих заглазников, или на которые наткнулся самостоятельно, изучая свой новый мир. Всё, прятки кончились. Пришла пора, «соседушка», рассказать немного больше о том мире, где мы с тобой собираемся жить. Он опять заглянул себе в голову и почти сразу наткнулся на большой кусок, как будто стеной огороженный от «его» территории. Стена дрожала от напряжения: Рудольф не собирался отдавать то небольшое, что у него осталось. Барок вздохнул. И жалко этого бедолагу, и жить как-то надо. Старец-то, судя по всему, с живого с него не слезет. А то, что Рудольф приготовился к драке? Стена, не пускающая его дальше? Барок вздохнул еще раз. Это было бы серьезно, если бы он не видел мира полумрака. Если бы не плавал в волнах его отчаяния. Если бы не бился не так давно как раз в эту же стену. Только огораживающую всю личность целиком, а не кусок сломленного и оглушенного сознания.

Даже не думай, мысленно посоветовал Рудольфу Барок. Он взялся за «стену» и начал медленно, чтобы не вызвать шока, еще сам себя угробишь, поднимать ее. Стена затрепетала. Рванулась вниз. Барок нажал. Стена не поддалась. Ну, что же....

В борьбе прошло несколько минут. В итоге Барок разозлился. В его голове отчетливо вспыхнул растянутый узор, и воля Барока полыхнула в унисон с ним. Двойного напора Рудольф не выдержал. Стена треснула, подалась в стороны. Барок уверенно схватился за ее края.

Но надо отдать должное Рудольфу. Он не сдался. Края «стены» вывернулись из «рук» Барока и отступили. Не разлетелись клочьями – Рудольф тоже не хотел умирать – отодвинулись. Подались назад все еще охраняя, сберегая что-то.

Барок скривился: голову пронзила резкая боль, как будто ее было сегодня мало. Да уж, нелегко бороться со своим собственным сознанием. Но боль прошла, и Барок рванулся вперед, жадно роясь в ворохе отвоеванных эмоций. Моё, ура! Несколько секунд, и его губы растянулись в довольной улыбке. Есть. Наконец-то. То, что просили. Вот теперь он знает что, к чему. Огромная куча чего-то, представляющегося Бароку горой ярких осенних листьев, рухнула на него, закружила, заставила задохнуться от восторга обладания новой, неведомой, но прекрасной жизнью. Вот это да... Вот это счастье...

Восторженный вопль сдержать было трудно, и Барок не стал его сдерживать. Тесная захламленная комната вновь услышала победный клич. Новая жизнь шла вперед.

Когда эйфория схлынула, и чувства начали потихоньку укладываться на полочках в голове, Барок присмотрелся к недорешенной серой стене. А еще есть? А ведь вроде, да.

Но тут, похоже, его ждал бой не на жизнь, а на смерть. Если обыкновенные эмоции Рудольф просто не хотел отдавать наглому захватчику, то скрывающееся за стеной сейчас, он намертво увязал с остатками своей жизни. И все же, и все же... Барок опять попытался поднять край невидимой стены. Голову свело судорогой, дыхание прервалось. Нет, тут Рудольф будет стоять до конца. Но интересно же... Задыхающийся от напряжения Барок все же приподнял край стены. И тут же опустил. Нет, это ему точно не надо. Первая любовь, теплое молоко вечерами, любимая поза для сна, запах сена – на это он не претендует. Еще не хватало.

Ф-фух. Борьба закончилась, голову отпустило, и Барок с удовольствием потянулся. Глотнул остывшего кофе и весело огляделся по сторонам, как будто впервые увидев свой новый дом. Ну что, будем сравнивать ощущения? Так, и что у нас тут к чему относится?

За окнами давным-давно царила ночь. Глухая ночь. Прошедший день был переполнен событиями. Истерзанное тело молило об отдыхе, но Барок никак не мог остановиться. Он бродил по дому, дотрагиваясь до каждого предмета, и с восхищением прислушивался к волне чувств и эмоций, возникающей в душе. Тело на мгновение наполнялось непередаваемым чувством новизны, которое отзывалось в голове острым удовольствием. Один раз, другой, третий... И Барок понял, откуда берется это удовольствие. Каждое открытие было сродни детской радости от обнаружения новой, неизвестной игрушки. А что может быть счастливее возвращения в детство?

И он бродил и бродил по комнатам, хватая и хватая новые предметы, стараясь насытиться этим чувством, наестся до отвала, до изнеможения. А оно все не приходило и не приходило.

Плед. Старый и потертый. Но до чего теплый и уютный. Барок тут же завернулся в него и некоторое время так ходил, наслаждаясь необычными ощущениями. Потом под руку подвернулся уникomp...

Вот это вещь! Сказка наяву. Да он же... Это же... Да это же целый мир под подушечками пальцев. А он-то, он-то... Ха, теперь Барок свободен. Он может получать любую информацию, не основываясь на мнении Рудольфа. Ура! Так, а откуда приходит эта информация. Так, так, так...

Связь. О! Вот это да. Что это? Барок потратил час, разбираясь с настройками и принципом работы ком-центра. И в итоге понял, что куча народа пытается с ним связаться, чтобы... Что? Ой, нет, не сейчас. Барок с опаской вновь отрубил доступ и постарался сделать вид, что ком-центр и не работал никогда. Не сейчас. Потом. Когда он разберется со своей новой оболочкой.

Он поднял голову и уперся взглядом в новую игрушку. Ух ты, а это что? Витранс? Надо же, надо же.... Так, где включается?

Ай! Наплевав на уже почти не работающие мышцы, Барок одним прыжком оказался за выступом стены. С плоского экрана на него скалилась отвратительная оскаленная морда неизвестного чудовища. Барок изготвился к бою: просто так он не дастся. Но морда вдруг исчезла, уступив место запыхавшемуся человеческому лицу. И запоздалая память подсказала, что это просто постановка. Развлечение.

Нет уж, Барок отрубил питание витранса от греха подальше. Ему и без чудовищ на ночь развлечений сегодня хватит. Какой идиот придумал эту гадость показывать? Для развлечения, ха. Барок презрительно сощурился в сторону погасшего экрана. Он был готов спорить на что угодно, что создатель этого «развлечения» толст, рыхл и слаб. Развлечение? Пойди пробежку сделай. Окупись воду. Отожмись раз пятьдесят. Вот тебе и развлечение. А если ты все это сделаешь, то тебе никакие чудовища уже грезиться не будут. Фу, гадость. Не понравилось.

Барок уже было отвернулся от мертвого экрана, как вдруг его царапнула мысль.... Стоп. А оно, это отвратительное создание больше не появится? Не то, чтобы он боялся, но лишний раз бездумно рисковать не хотелось совершенно. Особенно теперь, когда жизнь стала настолько интересной.

Так, обратимся к памяти. Барок посмотрел вглубь себя. Память тут же объяснила, что подобные страхи – это из разряда пятилетних детей. Спасибо, скривился Барок. Он не местный, всего неделю здесь. Можно для него отдельно лекцию? Память пожала плечам и объяснила. Так, угу, ага. Про сигналы, технологии передачи и сжатие информации Барок понял. А как гарантировать, что оно не вылезет? На это хихикнула даже собственная память. Как, как? Прервать канал, вытащить блок связи. Отключить питание. Все, вроде. Чего еще?

Блок связи витранса представлял собой тонкую пластину. К счастью, Рудольф уже имел проблемы со своим стареньким экраном и поэтому знал, как он меняется. На всю процедуру у Барока ушло секунд тридцать. Теперь осталось питание.

Нет, он прекрасно знал, что никто ниоткуда не вылезет. Конечно же, это глупость чистойшей воды. Ну как может вылезти из плоского металлопластикового полотна живое существо, которое есть всего лишь набор импульсов? Никак. Это Барок, благодаря Рудольфу знал совершенно точно.

Вот только что-то странное-странное в памяти, его, Барока, памяти, не рекомендовало быть настолько категоричным. Что? Барок присмотрелся внимательнее. Ну и конечно, под пристальным взглядом, это странное тут же испарилось. Растаяло, как ненадежный сон поутру. Ищи не ищи, не найдешь.

Но осадок остался. И Барок решил все же довести до конца начатое. Так, энергия. До глубокого копания, что есть «энергия», Барок решил пока не опускаться, и без того голова отказывается работать, а выяснить, откуда она, эта энергия, приходит на витранс надо.

Ух ты. Небольшая пристройка к дому (новая память Барока подсказала, что эта конструкция типовая для таких домов) была как будто окутана невидимым облаком. Невидимым, но, тем не менее, явственно ощутимым. Барок не понял, это его чувство или Рудольфа, но вникать не стал, сил нет. Четкие линии потоков энергии входили и выходили из причудливой формы конструкции, располагавшейся в хорошо экранированном помещении. В середине негромко гудел центральный блок, на который приходила энергия извне (из городского ретранслятора, это понятно, но о нем не сейчас, позже). На этот блок крепились все остальные, ответственные за передачу энергии непосредственно на приборы-потребители. Барок уверенно подался вперед.

«Схема», тут же напомнила память. «Зачем?», удивился он. И так все ясно. Вон он, витрансовый канал. Ярко-красный. Такой же, как и ощущения от самого витранса. Что непонят-

ного? Память удивленно замолчала. Шаг вперед, и к ее удивлению добавилось еще что-то. Что-то странное, ожидающее. Злорадное....

И только взявшись за гудящий блок, потянув его на себя, Барок мгновенно, вспышкой, понял «что». И «кто».... Голой рукой – за работающий транслятор....

Он рванулся остановить свое движение, но было поздно. Понимание «зачем» этот «кто» сделал «это» пришло несколько позже. Когда обжигающий, оскаленный зверь вырвался огненным змеем из выдернутого блока и бросился на потревожившего его размеренный покой. Куда там чудищу из витранса. Ослепительная искра, рванувшаяся навстречу, в одно мгновение погасила сознание Барока.

Последним угасло острое сожаление: надо же было так попасться....

## Глава 6

На орбите сумерек нет. Сигма Лося или Колокол, светило Изюбра, либо за диском планеты, либо – светит. И наступление биологически близкого к человеку вечера с ним никак не связано. Люди сами себе определяют, когда считать вечер, а когда – утро. Для удобства орбитального трафика вся орбита вместе с наземными службами еще со времен первооткрывателей были поделены на четыре условных сектора: Север, Запад, Юг, Восток. И, соответственно, все орбитальные объекты, используемые людьми не для производства (жилые, офисные, развлекательные) развешивались на геостационарных орбитах в порядке прикрепления к одному из них.

И вот сейчас в секторе «Север» начинался вечер. На орбиту хлынул поток ботов. Большею частью, частных. Многоместные транспортники, перевозящие рабочих ферм и заводов, клерков и монтажников чаще встречались в «Юге» и «Западе». «Восток» был вотчиной силовиков, военных, спасателей, полиции. А в секторе «Север» в основном проживали управленцы все мастей, небедная творческая интеллигенция и просто обеспеченные люди. Самому Донкату на время приобретения жилья о покупке домика в «Севере» можно было только мечтать, хватило только на «Запад», поэтому сейчас ему каждый день приходилось пробираться через плотные рукава транспортных потоков, чтобы попасть в свой бар, расположенный на огромном орбитальном комплексе «Изюбр-младший». Это не радовало, но менять место жительства сейчас было совершенно не с руки.

Степа в кои-то веки в час-пик отдал управление автомату, а сам сидел, уставившись невидящим взглядом в мягко подсвеченную панель управления. Улыбался. Забытая сигарета обожгла пальцы. Донкат беззлобно зашипел.

– Вызов Декстер, – негромкий голос автомата заполнил кабину. Сигнал пришел на суперфон, но умный автомат, помня, что в ботах не используются сторонние устройства звука и изображения, перебрал вызов на систему связи «Параболы».

– Принять, – отозвался Степа.

– Привет, партнер, – гулкий, как рокот двигателей крейсера, голос спрессовал воздух в кабине. – Ты где?

– На подлете, – рассеянно сообщил Донкат.

– На подлете? – непонятно, чего больше, удивления или возмущения, было в голосе сакса. – На каком, ..., подлете? Я думал ты уже на месте.

– Я тоже так думал, – Степа окинул взглядом приборы. – А ты, вот, позвонил, и я понял, что мне еще минут десять лететь. Пробки.

– Что? – изумленно переспросил Декстер. – Какие пробки?

– Обыкновенные, – несколько отрешенно отозвался Донкат. – Ты в первый раз слышишь, что к вечеру на орбиту возвращается куча народу?

– Ты чего такой потерянный? – озадаченно сбавил обороты сакс. – Случилось чего?

– Да нет, – отмахнулся от голоса Степа, потихоньку возвращаясь обратно в голову. – Просто задумался.

– Задумался? – протянул Декстер. – Ну-ну.

– Все в порядке, – Донкат окончательно вынырнул из своих размышлений, бросил еще один, уже оценивающий взгляд на приборы и ткнул в переключатель автомата. – Все, пять минут, и я на базе.

– Вот таким ты мне нравишься гораздо больше, – удовлетворенно прогудел Декстер. – Давай, добирайся, я тебе парк-канал приготовлю.

– Окей, как ты любишь говорить, – сообщил в воздух Степа. – Готовь. Пять минут.

Он взялся за выехавший штурвал, мазнул взглядом по схеме движения вокруг и показал перестроение в скоростной ряд. Личное счастье личным счастьем, а дела ждать не будут. Счастьем он потом, отдельно, насладится.

Длинную штангу бот-паркинга, гордость Декстера, не заметить было невозможно. Огромный штырь, увенчанный яркой вывеской, сообщающей, что в переполненном околопланетном пространстве любой желающий может без особого труда найти тихую гавань, как для бота, так и для себя, был виден со всех основных магистралей. Шойс, помнится, отдельно настоял, чтобы этот гений конструкторской мысли располагался именно на виду. И, надо сказать, он оказался прав. В суматошной толчее орбитальных баров найти вечером местечко для бота возможным практически не представлялось. А путь «работа-дом-космотакси-бар» мог занять больше половины вожделенного вечера и испортить любую вечеринку. И вот тут на арену выходил бар «Мамкин Валик», предоставляющий решение этой деликатной проблемы. Захваты штанги принимали паркующийся бот одновременно с выходящими пассажирами, и умные автоматы тут же прятали его в объемистом ангаре, прилепленном снизу. Присваиваемый импульс связывал унибраслет хозяина с ботом, и тот же автомат при желании клиента покинуть бар, синхронизируясь по времени, подавал на посадку средство передвижения. Не забывая при этом оповестить бортовой компьютер бота о том, что водитель нетрезв и управление может осуществляться только в автоматическом режиме. Удобство и безопасность были гарантированы. И посетители это оценили. Настолько, что ближайшее пространство перед бот-паркингом мало отличалось от переполненного транспортного канала.

Но Степу это не касалось. Их с Декстером места располагались гораздо ниже, практически рядом со входом в их кабинет.

– Стыковка завершена, – доложил автомат.

Короткое шипение люка, и Донкат вошел внутрь. Из небольшого холла вело два коридора. В конце одного виднелась массивная резная дверь, выполненная, как уверял Декстер, из цельного куска дерева, привезенного с самой Земли (Степа, лично зная местных поставщиков подобных вещей, в эти сказки верил мало, но предпочитал не портить настроение партнеру). Из другого коридора, перегороженного почти герметичным люком, неслась еле слышная музыка. Этот путь выводил в залы и бары.

Люк, на который смотрел Степа, коротко пшикнул и отъехал в сторону. Музыка тут же стала громче. В квадратном проеме появилась тонкая, несерьезная с виду фигура молодого человека в тщательно подобранной по цвету одежде.

– Добрый вечер, Степан Афанасьевич, – поприветствовала его фигура.

– Добрый вечер, Сергей Платонович, – улыбнулся в ответ Степа.

Это было традицией. Сергей Равазов, управляющий клубом, который Декстер, а за ним и все остальные продолжали упорно называть баром, не пропускал ни одного появления ни Декстера, ни Степы. Тонкая фигура неизменно была первым, что видели они с Шойсом по прибытию. Со стороны могло показаться, что чрезмерное, бьющее в глаза, внимание Сергея к своему внешнему виду говорило о его не совсем обычной ориентации, но Степе было глубоко плевать, в какой компании он проводит вечерние и ночные часы. Равазов, в противоположность своему внешнему виду, был более чем жестким руководителем. В его присутствии, казалось, даже стулья в баре стремились стать поровнее. Персонал, ведомый его железной рукой, являл чудеса аккуратности и исполнительности. И Степу с Декстером это более чем устраивало.

– Шойс на месте? – поинтересовался Донкат.

– Мистер Декстер прибыл сорок три минуты назад, – педантичность Сергея, граничащая с занудством, тем более смотревшаяся странно в совокупности с ультра-тщательностью в вопросах одежды, уже начинала входить в разговоры. – Поверил расписание выступлений,

отдал распоряжение сменить парфюм в холле и попросил изменить музыкальное сопровождение гостей до бара в связи со свершившимся событием.

Степа хмыкнул. Вчера вечером по новостям передали о том, что все официальные процедуры, связанные со вхождением планетной системы «Бойджер» в Российскую Федерацию Миров, завершены. РФМ получило право официально провозгласить новый про-слой в рукаве Ориона. Теперь РФМ единственное государство, которому принадлежат оба крайних слоя рукава: *про-*, ведущий к центру галактики, и *контра-*, оканчивающий обжитые миры рукава. И понятно было, что кто-кто, а Декстер не мог пропустить такое событие, к которому он имел самое непосредственное отношение. Степа пометил себе узнать у Шойса, как именно он планирует отпраздновать сие свершение. Зная сакса, можно было ожидать чего-то крайне необычного.

– Спасибо, Сергей Платонович, – Степа с самого начала поддерживал официальную манеру обращения в баре. И она прижилась. Обращение по имени-отчеству теперь было практически обязательным даже для барменов и обслуживающего персонала. Что было отдельно странно, учитывая, что в бытность простым торгашом Степа всеми силами старался уйти от официоза. Тогда это помогало.

– У мистера Декстера посетитель, – Равазов показал на деревянную дверь. – Поставщик.  
– Поставщик? – недоверчиво поднял бровь Степа.

Но комментарий получить не удалось. Деревянная дверь открылась и из нее выглянуло здоровенное, лучащееся энтузиазмом лицо Декстера.

– О, ты уже тут, – одновременно прогудели сам Декстер и пластина переводчика на его плече. За последние полгода Шойс, конечно, сделал некоторые успехи в изучении русского языка, но к вящему расстройству Степы почти все они имели отношение исключительно к языку помоек. Ругаться сакс научился мастерски, а вот с литературным языком пока выходила заминка. – Давай заходи. Тут один парнишка интересный появился. Послушай, что говорит.

Степа иронично посмотрел на партнера и, благодарно кивнув Равазову, прошел в кабинет.

– Здравствуйте, Степан Афанасьевич, – из огромного, монументального кресла, стоящего спинкой ко входу, лучась дружелюбием и приветливостью, поднялся молодой парень.

Донкат скучно посмотрел на очередного торгового представителя, старающегося продвинуть к ним свой товар. В плане больших объемов продаж «Мамкин Валик» не представлял собой ничего особенного, но неуклонно растущая популярность заведения все больше и больше привлекала маркетологов со всего Изюбра, стремящихся сделать рекламу на присутствии их товаров в баре. Степа уже устал отбрыкиваться от визитеров, никак не желающих поверить в то, что рекламы у них из-за этого не прибавится: Шойс просто не пустит. Но поток желающих не иссякал. И вот, пожалуйста, очередной образчик. Милый, умный, приветливый и сообразительный. Мечта, а не поставщик. Степа вздохнул и покосился на Декстера. В отличие от сакса, он таких «очаровашек» навидался в свое время более чем достаточно. Мало того, он сам был таким. Вот только почему-то сейчас у него не было никакого желания играть в игры типа «а ну-ка посмотрим, кто кого переболтает».

– Здравствуйте, – Донкат поздоровался с парнем и перевел взгляд на сакса. – Что у нас тут, Шойс?

– Да ты понимаешь, – Степа всегда удивлялся как Декстер, громадина Декстер, капитан-командер дальней разведки «Лунной Дороги», известнейшего соединения наемников Сакс-Союза, превращался в совершеннейшую размазню при общении с разного рода торгашами. Ну, не держал он удара при сладком обращении, при лести. Не держал, и все тут. Вот и сейчас.... – Да ты понимаешь, парень предлагает интересную штуку. У нас, вроде, они есть, но тут производитель один из лучших в галактике. Да и имидж свой поднимем, используя такой товар....

Степа поскуучнел. Как только он слышал слова «один из лучших производителей в галактике» в сочетании с «поднять свой имидж», его тут же начинали обуревать нешуточные сомнения. Уж он-то знал, что действительно лучшие производители в представлениях не нуждаются.

– Где можно посмотреть? – поинтересовался он у сакса.

– Покажи ему, – театральным шепотом посоветовал парню Шойс.

Так, уже уверовал. Надо же. Донкат вздохнул. Что сказать, одно слово: увлекающаяся натура. Вот только торговля – это не «два заряда в одну точку, как можно ближе к центру и с минимальным промежутком по времени, чтобы не успела восстановиться защита убээса». Тут все скучнее.

Поставщик, все так же радостно улыбаясь, передал пластину уникомпа Степе. И только тренированный взгляд мог заметить напряжение, появившееся в его лице. «Ну-ну», хмыкнул про себя Донкат, «давай, посмотрим, что ты там закопал».

Напрягался парень, естественно, не зря. Если кто из них двоих и мог заметить подвох, прячущийся в мелких строчках «стандартного» договора, то это точно был не Декстер.

Как ни парадоксально, но функции в их двойке делились четко (хотя и донельзя странно). Сорокашестилетний здоровяк Декстер (начало расцвета сил по галактическим меркам), щеголяющий всеми видами пирсинга, неизменно разодетый по последней моде в размахистые куртки и широченные штаны, придающие и без того огромному силуэту сходство с плотной грозовой тучей, отвечал за творчество. Подборка музыки, меню бара, освещение, оформление, запахи танцпола и (даже) туалета – это все была его вотчина. Он определял, кто и когда выступает в клубе, приглашал интересных и неоднозначных личностей, организовывал светские и не очень тематические тусовки. В общем, как метко обозвал его кто-то из постоянных друзей-посетителей, работал «добрым духом».

А на долю атлетичного светловолосого красавчика Степы выпала (ну, как «выпала», он сам так захотел) работа с «изнаночной», дневной, стороной жизни стремительно набирающего популярность заведения. Налоги и энергоснабжение. Строители и уборщики. Персонал и системы безопасности. Проверяющие и поставщики. Цены, сметы, счета и договоры с контрактами.

И если Декстер половину поданных ему документов подписывал, не глядя, то выйти от Донката с семью-восемью замечаниями или спорными пунктами договора считалось удачей. Про цены, скидки и качество поставляемых товаров не приходилось даже говорить. Степа, признать, и сам от себя не ожидал подобного зверства, но натура торгаша, прекрасно знакомая со всеми уловками тех, кто внезапно оказался «на другой стороне баррикад», просто-напросто не давала спокойно пройти мимо денег, которые можно было сэкономить элементарно, просто нахмутив брови.

Сколько раз Шойс громко вваливался в кабинет в сопровождении очередного «контрактера», с возгласами типа: «Да чего там ты мальчика-то обижаешь?», столько же раз через несколько минут шелканья по клавишам счетной программы уникомпа он тихо усаживался за плечом Степы и начинал медленно наливать недоброй злостью человека, осознавшего, что его только что банально пытались «поймать на деньги».

А незадачливый продавец, в душе активно ненавидя «этого уродяку Донката» (а ведь сам когда-то был из наших, падла), с нарастающим напряжением вглядывался в на глазах мрачающее лицо сакса. В итоге Степа категорически запретил Декстеру подписывать какие-либо финансовые документы в его отсутствие. Так и повелось.

Ну, вот, все так, как он и предполагал. Цены вздуты, доставка, естественно, не включена (это из соседней системы-то). И что он там еще лепетал про «элитного» производителя? Донкат поднял хмурый взгляд на съездившегося в кресле парня.

Откровенно говоря, Степа ничего не имел против таких представлений. Обычно, с пойманными «на горячем» ребятами договариваться становилось на порядок проще. Но сейчас он был совершенно не в том настроении, чтобы воевать. Радость, она как злость, стремиться как можно быстрее закончить текущие дела, чтобы целиком обратиться к своему объекту. Секундное раздумье, и Степа помягчел взглядом. Переставив в форме заказа цены, которые бытовали на Изюбре, и добавив пункт о бесплатной доставке, Донкат развернул экран к торгашу.

– Все понял? – нейтрально поинтересовался он.

Парень кивнул. Секундная пауза, за которую Степа начал ставить про себя ставки. Ну, будет биться за заказ, или нет? Парнишка оказался бойцом.

– Простите, господин Донкат, – начал он, ни единым мускулом не дрогнув при обращении к «злобному уроду», – но вы не учитываете, что данная марка производится не кем-либо, а самим....

Боец то он боец, вот только дурной какой-то.... Степа вздохнул. Ставки сыграны. Один – один. Молодец, что не стал молча наклоняться под клиента, но вот аргумент выбрал совсем уж нелепый. Донкат оглянулся на Декстера, прося внимания, развернул к себе уникomp, набрал в поисковике хваленую «известную» марку. Выделил цветом словосочетание «в нижнем ценовом сегменте», показал на него Шойсу и развернул экран обратно к парню. С лица торгового представителя сошел блеск. Фонтан иссяк. Что, это и все? Аргументы кончились? Степа даже расстроился. Быстро переставил цены в заказе еще на несколько процентов вниз и продемонстрировал их парню.

– Это за глупость, – прокомментировал он. – Придумал бы чего поумнее, осталось бы прежнее предложение, а втюхивать нам ширпотреб, рассказывая сказки про эксклюзивность – ищи дураков в другом месте.

Судя по кряхтению сзади, «другое место» находилось не так уж и далеко.

– Свободен, – Степа передал уникomp парнишке. – Привезешь по этим ценам – возьмем.

Тот молча принял тонкую пластину и направился к выходу. Донкат проследил за закрывающейся дверью, поднялся, взял из бара бутылку коньяка. Плеснул в два стакана и повернулся к Декстеру.

– Будешь?

– Давай, – вздохнул тот.

– Ты не расстраивайся так, – «пожалел» его Степа. – У нас все равно этой беды уже полные холодильники. Нам этот заказ, что есть, что нет....

– Да? – растерянно зачесал затылок сакс. На его лице причудливо смешались досада, раскаяние и ... стыд? У Декстера?

– Да, – рассмеялся Степа. – Шойс, ну сколько раз тебе твердить, ну не лезь ты в закупки.

– Совсем? – остро прищурился сакс, зацепившись за слово, и явно нацеливаясь на предстоящее мероприятие.

– Ты знаешь..., – Степа сделал задумчивый глоток. – У меня такое ощущение, что да. Совсем. Там где шум-гам, тусовка и веселуха, там ты незаменим. А вот что касается прикупить чего-нибудь....

Он замолчал.

– Ты еще поучи полковника на поверхность сбрасываться, – Декстер одним глотком прикончил свою порцию, вылез из кресла и пошел за следующей. – То, что сегодня будет – сто процентов мое. Ты потом еще спасибо скажешь.

– Я надеюсь, – вздохнул Донкат.

– Что такое? – удивленно развернулся Декстер с бутылкой в руке. – Откуда страдания?

– Да нет, – Степа пожал плечами. – Какие страдания могут быть? Разве что погода....

Он покосился на декоративный дисплей, транслирующий картинку космоса, с внешней стены бара.

– Ну хоть что-то, – успокоено вернулся к бутылке Декстер. – А то я уж подумал невесть что.... А вообще, жениться тебе надо.

– Да я разве против? – поджал губы Донкат.

– А-а, вон оно в чем дело, – до Декстера, наконец, дошло. – А я то сижу, думаю.... Что, с Селеной поругался?

– Скорее наоборот, – расплылся в довольной улыбке Донкат.

– Когда приезжает? – в саксе проснулись навыки дальней разведки. По крайней мере манера допроса очень их напоминала.

– Через три недели, – огрызнулся Донкат, скучнея. – Коньяка налей.

– Держи, – Декстер не стал утруждаться сервисом, а просто бросил бутылку через всю комнату.

Степа был готов поклясться, что целился сакс в его голову.

– Спасибо, – он перехватил летящий сосуд. Так же резко свернул крышку и плеснул в бокал. Нахлобучил крышку на место и, не прерывая движения, швырнул бутылку обратно.

– Есть, – Декстер вынул ее из воздуха и удовлетворенно осклабился. – Ну, наконец-то, на человека стал похож.

И резко опять запустил в Степу чем-то.

Вот за повторение дурацкой шутки Донкат уже хотел, было, и возмутиться. Но поймал подарок, и все раздражение тут же улетучилось. В руке у него красовался пучок желтовато-янтарных полосок, распространяющих сильный, отчетливо слышимый в стерилизованном воздухе, запах меда с перцем.

– *Лолли?* – удивился он. – Откуда? Они же кончились.

– Ха, – подбоченился Декстер. – У дяди Шойса всегда есть в кармане парочка сюрпризов, ты не знал?

– Знал, – хорошее настроение Степы аккуратно сдало назад. – Твои сюрпризы я всегда знал. Признавайся, где взял?

Длинные янтарные полоски, напичканные сушеной *бойджей*, Степа начал обожать с того самого момента, как впервые попробовал их на Бойджере. Нельзя сказать, что первое знакомство с известнейшей и редчайшей пряностью галактики вышло у него радужным, скорее, наоборот. Он потом несколько дней прятался от всех блюд, где она содержалась. Но дикий темп их тогдашнего путешествия не оставил ему выбора. А потом он распробовал все, чем славилась бойджа, и понеслось.

И даже если бы бойджа не придавала сил, не нейтрализовывала бы алкоголь и не была бы настолько полезна для всех частей организма (включая и самые интимные), Донкат все равно бы потреблял лолли, непременно закуску в любом баре Бойджера, в немереных количествах. Очень они ему понравились.

Но была одна загвоздка. Бойджа – вещь капризная, редкая и малоурожайная. Мест, где она растет, во всей галактике найдет всего четыре. Пять, простите, про Бойджер забыли. Внутри планеты, как внутри планеты, а вот вовне.... В общем, экспорт бойджи на сегодняшний день составлял восемьдесят процентов внешнеторговых доходов планетарного правительства Бойджера. Так что владельцам бара (пусть и достаточно популярного в Восьмом русском пролое) ежедневное потребление ее в больших количествах не то чтобы было по карману, а скорее, вовсе и наоборот. Цены на нее поражали всё и всяческое воображение.

Однако Степа не был бы торгашом, если бы не....

Несколько месяцев назад Степан Афанасьевич Донкат, беззастенчиво пользуясь «мимо-летным» знакомством с главой временной администрации Бойджера, а по совместительству агентом какой-то там секретной службы федералов, неким мистером Иваном Федоровичем «Джонсоном», под восхищенным взглядом на недельку выбравшегося к ним Соловья, практически вынудил седого губернатора свести его с производителями бойджи. Тем же ресурсом

выбил из них цены почти по себестоимости (их, планетной, естественно, себестоимости) и теперь заслуженно наслаждался лаврами и вкусами, наблюдая как Декстер в цветах и красках расписывает по всему Восьмому про-слою «уникальную возможность» попробовать «легендарную приправу галактических королей». (И где он только нашел их, этих королей, в современной галактике?)

Но как бы то ни было, а реклама оказалась действенной. И прибыльной. Когда Донкат сообщил саксу, сколько они на этом зарабатывают, того чуть удар не хватил. От радости. Ну, и помимо всего прочего, теперь у него самого появилась возможность беспрепятственно наслаждаться любимым лакомством. Однако у некоторых и привычки...

Вот только бойджа, как уже упоминалось, растет медленно. Так что поставляемые количества тоже не беспредельны. И у них она кончилась уже тому назад дней десять как.

– Признавайся, где взял? – нахмурился Степа. – Грузовой рейс с Бойджера приходит только через неделю. Купил?

– А если и купил?

– Почему?

– Вот только не надо, – скривился Декстер. – Не начинай, ладно? Я прекрасно знаю цены на бойджу. Но могу я сделать тебе приятное?

– Зачем? – набычился Донкат. И задумался. А, в принципе, что такого? Тут бы улыбнуться и сказать спасибо, что позаботились. Но рефлексы не позволили Степе расслабиться. Да вы что? За такие деньги? Он нахмурил брови и повторил. – Зачем? Что я не перетерплю неделю?

– А зачем? – возвращая вопрос, пожал плечами, сакс.

– Ну, знаешь..., – но развернуться Степе не дали.

– Стоп, – поднял руки Шойс. – Я все понял, ты сегодня злобен и неприветлив, несмотря на Селену. Это все оттого, что я лучше стреляю...

И, не дав Донкату взорваться окончательно, признался, сияя довольной улыбкой.

– Цены – ниже низкого. Это же наша поставка.

– Какая «наша»? – не понял Степа. – Откуда?

– Ха, – Декстер плеснул себе еще коньяка, решительным жестом засунул бутылку обратно в бар и приосанился. – Не только некоторые мальчишки могут организовывать доставку. У старых боевых коней тоже кое-какие связи имеются.

– Прокомментируй, – Степа поерзал на кресле. Что-то оно становится неудобным.

– Да нечего особо комментировать, – махнул рукой сакс. – Подумаешь, пара старых знакомых помогла подхватить груз с Бойджера и привезти сюда. Им что, в крейсере свободного места – хоть танцуй. А нам – все подешевле будет. Так что вот так, – он сделал глоток. – И экономия, и скорость. Молодец я?

Степа показал два пальца, копируя жест самого Декстера.

– Дважды молодец? – радостно удивился сакс.

– Идиот в квадрате, – Степа сильно пожалел, что оставил импульсник дома. То-то было бы сейчас хорошо засадить пару разрядов в эту ухмыляющуюся физиономию. – Ты хоть приблизительно представляешь, во сколько в итоге нам обойдется твоя «дружеская» помощь?

– А что такого? – искренне возмущился сакс.

– Да так, ничего, – вздохнул Донкат. – У тебя пальцев на руке сколько?

– Пять, как по штатному расписанию положено, – подозрительно нахмурился Декстер.

– Тогда загибай, – предложил Степа. – Первое: как ты собираешься вывозить бойджу с терминалов штурмфлота?

– Осади назад, – выпятил губу Декстер. – Во-первых, она уже здесь, он указал пальцем на полоски, которые Степа держал в руке. А во-вторых – никакие терминалы штурмфлота тут не задействованы. Это мои друзья еще с Марции. Если ты не забыл, у меня был яхт-клуб, пока вы

с Соловьем не появились, и не сломали мою счастливую, – он фальшиво всхлипнул, – жизнь. Что?

– Шойс, – Степа закрыл лицо руками. – Можешь больше не загибать. Это даже не неправильно оформленные документы. Это – контрабанда.

– Чего?

– Ничего, – Донкат отнял руки. – Ты правда думаешь, что граждане Сакс-Союза могут вот так запросто взять немного бойджи с планеты, только что вошедшей в состав РФМ и привезти ее на другую планету того же РФМ, минуя таможенное оформление? Только не говори «да», иначе я тебя задушу.

– Э-э, ... нет, – нашелся сакс.

– Тогда где документы? – елейным голосом поинтересовался Степа.

Декстер развел руками. Донкат не без труда сдержал ругательство.

– Шойс, бойджа входит в список стратегических продуктов. А если учесть теорию Петрухина. ... Помнишь нашего профессора?

Сакс кивнул. Не помнить Игоря Денисовича Петрухина, галактическую величину планетной археологии, было невозможно. Это он создал теорию ветвящихся цивилизаций, которая напрямую вела к легендарной расе «четвертых», следы которых все чаще и чаще попадались в обитаемой части галактики. И это он первым связал планеты, на которых росла бойджа, да и саму бойджу с представителями этой расы.

Степа внимательно посмотрел на Декстера.

– Поэтому каждый случай ее использования проходит под пристальным вниманием как минимум трех «небольших» организаций. Налоговая, таможня и ... контрразведка.

Декстер как будто бы сдулся.

– Вижу, начинаешь понимать, – удовлетворенно кивнул Степа. – А теперь, раз ты уж у нас на глазах умнеешь, постарайся понять еще, как ты будешь объяснять появление этой партии на Изюбре. И, самое главное, кому.

Повисла пауза. Забытый коньяк плеснулся в бокале сакса.

– Все так плохо...? – он поднял глаза на Степу и осекся.

Степа откровенно забавлялся, глядя на оторопевшее лицо сакса, который как будто бы только сейчас понял, что булки растут не на деревьях, а достают их из трюмов грузовиков.

– На самом деле, нет, – Донкат расплылся в улыбке, достал из пучка янтарных полосок одну и с наслаждением засунул себе в рот. – Нам просто-напросто придется это дело задекларировать задним числом и попросить наших обычных перевозчиков сделать документы.

– Так что ж ты мне тут нервы-то мотаешь? – возмутился, было, сакс, но Степа заткнул его одним вопросом.

– Заняться не хочешь?

– Э-э, ... нет, – тут же успокоил свой праведный гнев Декстер. – А что, это проблема?

– Да не то, чтобы проблема, – Степа проглотил привычно растаявшую на языке полоску, облизнулся и с удовольствием сделал глоток коньяка. – Просто на входе мы потратим те же деньги, если не больше, на перевыпуск документов, извинения логистам, что решили мимо них сыграть, и на заверения всех наших контролеров, что мы вовсе даже простые ребята, которые захотели сэкономить, а никакие не шпионы, враги, террористы и прочее-прочее.

– Может, и не узнает никто, – осторожно предположил сакс.

– И не надейся, – Степа поставил стакан и поднялся. – Ладно уж, великий хитрец, время уже без десяти. Пошли, посмотрим, что ты там на этот раз придумал. Будем надеяться, мероприятие пройдет скучно и обыденно.

– И не думай, – набылся Декстер. – Я намерен сделать все громко и весело.

– Пошли, – потянул его за руку Степа. – Нам еще кое-кого забирать. Не забыл?

– Точно, – спохватился сакс. – Он доглотил остатки коньяка, поднялся, оправил куртку, провел рукой по пышной шевелюре, поправил сверкнувшую в ухе серьгу, по виду больше напоминавшую подвеску, и посмотрел на Донката. – Как я выгляжу?

– Обалденно, – хмыкнул тот. – Пошли, давай, герой-любовник. Причешись только по-человечески.

## Глава 7

Мерные волны полумрака все так же неспешно переливались, сменяя одна другую. Здесь ничего не поменялось. Да и не могло поменяться. Барок в ужасе уставился на пейзаж, который, казалось, исчез навсегда. Нет. Нет! НЕТ!!!

Как?! Откуда?! Почему?!

Он рванулся изо всех сил, стараясь убежать, вырваться, избавиться от жуткого в своей неизменности мира. Прочь, прочь отсюда.

И кто-то наверху его услышал. Дал ему шанс....

Волны стали площе, тусклее. Их мерный бег потерял свою гипнотическую привлекательность. Они отделились, стали менее реальными. Барок рванулся еще сильнее. Прочь, прочь отсюда.

И полумрак стал сном. Просто страшным сном. Барок проснулся....

– Том, Том, да ответь же! Проклятье....

Писк нажимаемых кнопок. Тяжелое дыхание, со свистом рвущееся из груди. Дрожащие руки.

Его, Барока, руки. Его, Барока, дыхание....

– Том, это Рудольф. Не могу до тебя дозвониться. Я не знаю, как объяснить.... Меня....

**ВОН! ВОН, ТВАРЬ!!!**

Неистойвой ярости Барока не было пределов. Несчастный Рудольф, так и не сумевший воспользоваться короткой паузой, был отброшен, словно сухой лист. Польхающая ненависть Барока к попытавшемуся освободиться «соседу» затопила сознание. Едва успевшая оформиться серая пелена разлетелась беспомощными клочьями, заметавшимися по раскаленному сознанию. Барок в своей слепой ярости крушил все вокруг. Стул, распоротая подушка, верстак с деталями. Коротко хрустнул под ногой некстати подвернувшийся чип. Керамическими брызгами разлетелось забытое на столе блюдо. Тонкая перегородка двери с оглушительным треском лопнула, треснув под ударом кулака. Барок польхал. В его сознании одна за другой вспыхивали сцены ярости, которые он проживал когда-то давным-давно. Он купался в них, он почти наслаждался ими. Он пил их как дорогое, раз и навсегда забытое вино. И уже было неважно, будет ли больно его новому телу.

Он ненавидел его, ненавидел Рудольфа. И не за попытку побега. Это что, это нормально. Он бы окончательно перестал уважать этого слабака, если бы тот не попытался вернуть контроль над своим телом. Нет, Барок кипел не поэтому. Его безумная ярость была густо приправлена страхом. Парализующим, обессиливающим, диким. Он мог смириться со многим. С возвращением в полумрак – не мог.

– Убью! – хриплый рык вырвался из груди Барока.

И серые клочья начали таять, исчезать в кипящем небытии. Один, еще один, и еще....

Ноги мечущегося по комнате тела подломились, дыханье пресеклось, брызжащее яростью сознание помутилось, подернулось рябью и начало утекать куда-то вбок. Барок рухнул навзничь, больно приложившись головой. И эта боль его спасла. Как ни странно, вместо того, чтобы ввергнуть его в черное беспомыслие, из которого он вряд ли бы вышел, эта боль отрезвила его. Вернула воспоминания, способность оценивать ситуацию. И животный ужас изменился. Не ушел, а превратился в тот страх, который позволяет принимать решения, исходя из спасения брэнной оболочки.

Барок остановился. Перестал стремиться уничтожить Рудольфа. И опять, как тогда, вначале, принялся собирать разрозненные серые клочки в единое целое. И опять у него получилось.

Он лежал на спине, глядя в испачканный чем-то зеленоватым грязно-белый, давно не мытый потолок. Припадок прошел, Барок вновь контролировал свое (их) тело. Он попытался оценить состояние и пришел к выводу, что все не так уж и плохо, не считая саднящей руки, которую он повредил, ломая дверь. Дыхание вернулось, ноги двигались, голова соображала. Плохо, но соображала.

Он припомнил все, что произошло с момента, как он попытался отключить этот витранс, и содрогнулся (глаза бы не смотрели, одно зло от него; не зря он так ополчился на эту гадость, нет, не зря). Мужественно прошел по всем воспоминаниям, чтобы никогда больше не повторять подобного, и ему стало ... стыдно. За свой страх, за свою слабость. За то, что сорвал злость на том, кто не мог ему ответить.

Нет, наказанию Рудольф подвергнуться был просто обязан. И не только за эту попытку, ее, скорее, можно назвать военной хитростью. Нет, и без того за «соседушкой» накопилось столько мелких должков, что взгреть его Барок был должен безо всяких вопросов. Но не сейчас. И не так. То, что произошло, было недостойно воина. Недостойно его, Барока. Он был не прав.

Недолго думая, Барок отправил туда, за слабо колышущуюся пелену, нехитрое послание, содержащее официальное извинение за форму наказания. Подумал и отправил второе, говорящее, что наказание все равно должно было бы быть, и поэтому настоящим он уведомляет, что то, что произошло, пошло в зачет.

Отправил, и сам, лежа на полу, помотал головой, запутавшись в вывертах сознания. Но разбираться не стал, не до того.

Серая пелена колыхнулась, пропустив обе волны. На минуту замерла, словно переваривая услышанное, а потом колыхнулась опять, как будто принимая извинения. Барок фыркнул: попробовал бы ты их не принять. И вообще, это не было извинениями. Он просто констатировал факт. Пелена замерла. Вот так-то, Барок удовлетворенно кивнул сам себе. Все так же, лежа, осмотрелся, оценил разгром, царящий вокруг, прикинул, сколько сил и времени ему потребуется, чтобы просто навести элементарный порядок, и плюнул. Ну его. Наплевать на развал, наплевать на вонь, исходящую от него. Наплевать на кровать. Сегодня можно. Сегодня он в последний раз ляжет спать в этой помойке, прямо тут, на полу, не утруждаясь кроватью (все равно там не сильно чище). А завтра....

Что будет завтра, Барок додумать не успел. Истерзанное тело, едва дождавшись разрешающего сигнала, мгновенно провалилось в сон, бросив все нерешенные дела. И лишь в безвольно откинувшейся голове остался светиться еле уловимо мерцающий узор, чутко стерегущий покой победителя. Рудольфу пришлось довольствоваться серой резервацией.

Фу, стыдно-то как за такую грязь. Новые приобретения в виде эмоций, оценок и личностных переживаний несли в себе не только положительные стороны. Вот как сейчас, например. Еще вчера утром Барок и думать не думал о том, грязно ли в его жилище или нет. А сегодня с утра, едва продрал глаза, задумался. И понял, что думать – это не всегда хорошо. Потому что абстрактные размышления рано или поздно приводят тебя к конкретным выводам. И побуждениям к действию. А предстоящие действия радости у Барока не вызывали, да и вызвать не могли в принципе. Мыслимое ли дело, воину, драить полы? Ох, «сосед», развел ты тут болото.... Ну, погоди, придет время, за все посчитаемся.

Обуреваемый подобными мыслями, Барок аккуратно пробирался по дому между разбросанными и разломанными предметами интерьера, кучами грязного белья (это не его, это появилось еще в «эпоху Рудольфа») и какими-то ошметками чего-то съедобного. Куда его вели новые рефлексы, Барок понял, только открыв дверь. Ванная комната. Здравствуйте. Барок заглянул в нее... и тут же захлопнул. Ну, соседушка....

Туалет в доме находился в другом месте. В ванную Барок в своем новом теле еще ни разу не заходил. И свалить на него ничего не получится.

Детос тагоч. Барок рывком открыл дверь. Умываться утром все равно надо, вонь с себя смыть тоже придется рано или поздно, поэтому деваться ему некуда. Пусть и состоится это удовольствие через час, не раньше: мыться в этом ужасе он отказывается категорически. Что же, смело можно открывать счет подвигам, совершенным в этом мире.

Барок скривился: до «совершенным» тут пахать и пахать.

А помыться утром ему так, кстати, и не удалось.

Сине-зеленые сумерки уже вовсю превращались в очередную ночь, когда валяющийся с ног Барок положил на место последнюю подушку, мутным взглядом окинул поле боя, сияющее перевозданной красотой, и запрокинул голову.

Торжествующий стон разнесся по дому. Битва закончилась. Правда, совершенно непонятно, кто у кого выиграл.

Дом блестел. Вконец остервеневший Барок, после первых двух часов уборки принес страшную клятву, что в этих сточных отходах, которые обнаруживались под каждой непонятной кучей, он спать не ляжет. Нет, невозможно, чтобы все это сотворили всего два человека: он и Рудольф. Не зря тот старец про шестерых говорил. Или не говорил? Неважно. Спать он в такой грязи не ляжет, и все. Хоть обратно его в полумрак загоняйте. Поклялся со зла, осознал, что именно он только что болтанул, и вцепился в тряпку. Хо́да назад не было. А еще ведь оставался и бот с его забитым багажником....

Но терпение и труд все перетрут, это Барок помнил твердо: что своей, что рудольфовской памятью. И вот теперь с трудом стоящий на ногах победитель торжествовал победу, хотя торжество это было изрядно отравлено осознанием того, что дом – это, к сожалению, не все. Еще утром, закончив приводить в порядок ванную комнату, Барок решил, что толку от его мытья не будет никакого. Все равно через три-четыре часа (о, как он был наивен) мыться придется по новой. И вот теперь, в этом новом, неузнаваемо чистом доме выглядеть так, как выглядел он, было невозможно. Барок с тоской посмотрел на чистое белье, расстеленное на кровати, перевел взгляд на свою истрепанную одежду, потерял отросшую за эти дни редкую бороденку, горестно вздохнул и поплелся туда, откуда все начиналось.

Как он умудрился не заснуть в ванной, не понял ни он сам, ни Рудольф, ни вечно бдящий узор.

Как ни странно, но следующее утро Барок встретил с улыбкой. Ничего не болело, ничего не тянуло. Удивительно, учитывая вчерашний, перенасыщенный физическими приключениями день. Он внимательнее прислушался к своим ощущениям. Тело отозвалось веселым тоном. Да все прекрасно, говорят же тебе.

Надо же.... Барок упруго сел на кровати. Что? Начинаем привыкать к нагрузкам? Это радует. Эй, сосед?

Голова отозвалась на этот, несколько странный, так скажем, зов, гулкой пустотой. Что он там, заснул, что ли? Какой сон? Утро на дворе.

– Э-гей, – уже в полный голос позвал Барок. – Подъем, страдалец. Будем делать зарядку.

Где-то далеко-далеко в глубине сознания что-то шевельнулось.

– Да ладно, – не поверил Барок. – Можно подумать, это ты вчера целый день уродовался. Сознание шевельнулось вновь.

– Вот так-то лучше, – удовлетворился Барок. – Пошли, разомнемся.

Едва взошедшие солнца Алидады наперекрест выкрасили начинающийся день во все цвета радуги. Ледяная роса холодила ноги, обещая дневную жару. Ранние мошки танцевали между деревьям, приветствуя начинающийся день.

Барок неся по лесу, как вспугнутый олень. (Олень? Почему олень? Кто такой олень? А-а, опять воспоминания Рудольфа) Это утреннее скольжение никак не напоминало ту первую

пробежку, когда он, задыхаясь и кашляя на каждом шагу, пытался привести себя в форму. Сейчас по лесу передвигался .... Ну да, ну да, хмыкнул про себя Барок. Еще скажи – самец. Расслабься. Больше, чем на хомячка, пока никто не заработал.

Но, как бы то ни было, а удовольствие Барок получил. Чего нельзя было сказать про Рудольфа. Из глубины сознания доносился невнятный фон, в котором одобрения не было совершенно. Хотя, если разобраться, ему-то на что жаловаться? Он от основных рецепторов отключен, чувствовать ничего не чувствует. Живи да радуйся. Как сам Барок не так давно....

А, может, он не на то дуется? Барок прислушался к слабому фону. Нет, ничего не слышно. После энергетического разряда, выкинувшего его из тела Рудольфа, Барок уже утром заметил, что серая пелена, отгораживающая два сознания, несколько истончилась. Или изменилась. Или еще что-то. Разобраться не получилось, но результатом этого изменения стало то, что Барок начал чувствовать эмоциональный настрой «соседа».

Сначала он разозлился, конечно. Но деваться ни одному из них было некуда (судя по фону, Рудольф тоже не испытывал никакой радости от доступа к эмоциям Барока). И пришлось привыкать. И – ничего, привык. Даже нашел положительную сторону: все же живое существо рядом. Тем более, что убранный дом, чистое тело и потихоньку приходящая в порядок жизнь, настраивали на оптимистичный лад.

Ух. Обжигающе ледяная вода утреннего озера перехватила дыхание.

– Ничего, ничего, – пропыхтел Барок, вылезая из воды. – Легкая пробежка с утра еще никому не мешала.

И правда, что такое для воина три километра? Пустяки.

В ванной, после душа, Барок долго рассматривал свое тело. Раньше было как-то не до того, а сейчас он придирчиво разглядывал каждую мышцу, пытаясь оценить, над чем работать в первую очередь. Рудольфа он даже слушать не стал. Понятное дело, тот возмущен. Забрали тело, рассматривают его во всех местах, да еще и язвительные замечания отпускают. Кому понравится?

Н-да. Результаты проведенной ревизии не радовали. Тонкие, вялые руки. Не менее тонкие кривоватые ноги. Впалая грудь. Повисшие плечи. Давным-давно начавшее отвисать пузико. Неровно подстриженные редкие волосы, уже переставшие сопротивляться напору обширных залысин. Ты что, приятель, совсем за собой не следил? Сидящий в голове Рудольф обиделся окончательно. Ну и ладно, обижайся. Барок внимательнее присмотрелся к лысеющей голове, покрутился профилем туда-обратно, и решительно взялся за бритву. Сейчас мы тебе добавим внушительности самым кардинальным образом. И практичности. Вот только шея была бы пошире.... Хотя, и так сойдет.

Закончив с мытьем, Барок принялся за одежду. Старый комбинезон Рудольфа был удобен, но после всех этих дней ..., как бы правильнее сказать, пришел в негодность. Всевозможные пятна, потертости и прорехи однозначно говорили о том, что пришло время переодеваться. Вот тут Барок решил не уходить далеко в сторону. Просторные плотные штаны, свободная рубашка, мягкие ботинки с прочной подошвой. Для вечера – короткая куртка.

Оделся, подошел к зеркалу. Осмотрел бритый череп. Оценил некоторую даже хищность нового профиля. Удовлетворенно кивнул своему отражению. А что? Для начала вовсе и неплохо. И улыбнулся: из головы потянуло одобрением. Что нравится? То-то. А что-то еще будет, когда в норму придем....

День Барок посвятил знакомству с домом. Продолжил то, что начал еще тогда, после разгрузки, прерванной витрансом. На этот раз он отказался от бессистемного переворачивания вверх дном всего, что можно. И уборки жалко, и толку мало. Поэтому сейчас он, довольный наведенным порядком, медленно и систематично исследовал дом, аккуратно перебирая вещи, и стараясь понять, что несет в себе каждая из них.

Прервался о всего лишь дважды, оба раза ради разминки. Первый раз он в охотку помахал начинающими приобретать правильные очертания кулаками, а для второго выбрал силовую тренировку: отжимания, приседания. Но все хорошее рано или поздно заканчивается.... Чтобы уступить место более хорошему.

Весь дом обойти сразу не получилось, только первый этаж (ничего себе, а он за все это время даже намеком не понял, что дом двухэтажный), тем более что последним номером программы оказалась ... кухня, служившая до этого всего лишь местом обитания холодильника. Но это было вчера. А сегодня кухня предстала перед Бароком настоящей пещерой, доверху набитой сокровищами.

По правилам, любой сокровищнице полагается дракон. Был он, естественно, и тут, куда без него. Первым делом (подход к холодильнику можно считать нулевым и базовым) Барок обжегся о плиту. Вывод – стенания Рудольфа иногда можно слушать. Пригождается. Ну, так откуда он знал, что эта конфорка нагревается моментально?

Дуя на обожженную ладонь, Барок охотничьим вязким шагом двинулся по кругу, каждую секунду ожидая еще одного нападения. Но дракон оказался единственным. Все остальное прошло по разряду «пугало». Грохочущая вытяжка (а она на самом деле должна так орать?), пищащая «разогревалка», шипящий чайник, жужжащая странная конструкция, в которую полагалось совать непонятного вида квадратные брикеты, а доставать волшебным образом приготовленные натуральные блюда. Утробно ворчащая посудомойка. В общем, приключений хватило. Тем более что к каждому предмету полагался пряник в виде очередного комплекта эмоций, ощущений тактильной памяти, памяти запахов и, если очень повезет – ма-а-аленького кусочка прошлой жизни, выскакивающего непонятно откуда.

Так было, например, когда Барок открыл один из ящиков стола. Неизвестно, откуда он тут взялся, но....

Тесак был старым, неухоженным. Тупое лезвие покрывали точки застарелой ржавчины. Деревянная поцарапанная ручка треснула. Неумело сделанная гарда из неопределяемого материала погнулась и нелепо торчала в разные стороны. Но это был (Барок мог в этом поклясться) БОЕВОЙ нож. Оружие. Настоящее, тяжелое, ждущее своего часа, чтобы вдоволь напиться крови трепещущих врагов. Обиженное на забывших его. Жалующееся каждому, кто сможет услышать этот стон, прячущийся в растрескавшейся рукояти. Барок услышал.

Только взяв его в руку, он сразу же услышал его зов. И замер. Где-то далеко-далеко, на грани..., за гранью памяти, сознания, мироздания ... раздался звук. Звук трубы. Барок не помнил его. И одновременно помнил. Этот звук звал за собой, будил в Бароке что-то странное, загадочное, забытое....

Не вспомнить. Он стоял долго, очень долго, пытаясь нащупать, ухватить эту память. Но не смог. Расстроился, но все же нашел в себе силы пойти дальше. Тесак, правда, не оставил: засунул его сзади за пояс, не придумав ничего лучшего.

А в самом конце, так сказать, в качестве десерта, Барок нашел сундук. Невысокий, прямоугольный. Прохладный. Как и полагается в пещере с сокровищами. Сундук был немедленно открыт. А там....

Два сознания Барока, подобно двум солнцам Алидады, мгновенно пересеклись, узнавая находку. Детос тагоч, да пусть он никогда не вернется на путь воина (полумраком Барок предсудитительно клясться не стал), если это не есть сокровище. Ни у него, ни у Рудольфа на этот счет разногласий не было. ОНО!

Выставив на столе ряд бутылок, Барок с удовольствием вычитывал знакомые чужие названия, смакуя предстоящее действие. И в самом-то деле, вот его приложило в полумраке. Забыть о выпивке. Ну надо же.... Х-ха.

Из глубины сознания пришло осторожное предупреждение. Барок отмахнулся от него, как от назойливого насекомого. Отстань, слизняк. Воин не может опасаться вина. Оно его спутник и кровь. Радость и горечь. Печаль и солнце. И только небывалым потрясением можно объяснить тот факт, что этот сундук он нашел только сейчас.

Барок остановился на секунду и почесал затылок. Ночным мотыльком в голове промелькнуло еще одно воспоминание. Точнее, напоминание. Что вино – это только часть настоящей жизни. Что воин не может и еще без какой-то вещи. Какой? Ставшая уже привычной пауза воспоминания, не менее привычная неудача – и Барок решительно выкинул из головы все дурацкие напоминания, предупреждения и прочую подобную чушь. Сегодня он отдыхает. Видит полумрак, он это заслужил.

Так, с чего начнем? Барок обратился к заемной памяти. Эй ты, червяк, давай рассказывай, что есть «пиво», чем оно отличается, например, от «водка», и почему бутылка с надписью «коньяк» одна, а пива – двадцать четыре? Не то, чтобы он был против, просто интересно. Ну?

Ничего внятного он не услышал. Ну, еще бы. Что взять с вислобрюхого доходяги, который довел себя и свой дом до такого состояния? Барок от возмущения провел серию ударов кулаками в воздух, рубя невидимого противника, и напоследок махнул ногой. Пока невысоко, памятуя опыт первого раза. Но и так получилось терпимо. Он презрительно сощурился в сторону серой пелены. Видал, таракан трусливый? Вот примерно так и должно быть. Все, закончилось терпение. Давай, рассказывай, с чего начинать?

В голове возник нерешительный образ еды. Барок недовольно насупился. Он не совсем то имел в виду. Серая пелена вздохнула и намекнула на пиво. Ну вот, давно бы так.

Единственное, в чем Барок уступил капитулировавшему Рудольфу, так это в выборе посуды. И то только из-за того, что его собственные образы напомнили, что недостойно воина пить из того, в чем принесли. Что у мужчины дома нет достойного обрамления для вина? Есть, как не быть. Барок, помахивая тесаком, с которым он теперь не расставался ни на секунду, отправился обратно на кухню.

Разнокалиберная посуда выстроилась на низком столе посредине гостиной в неровный ряд. Барок весело нахмурился: беспорядок. Взял и выстроил ее по ранжиру. Первым получился бокал для пива. Барок ухмыльнулся: хоть тут «сосед» не соврал.

С коротким пшиком отвалилась первая пробка. Золотистая струя полилась в бокал. Поднялась пышная пена. Барок сделал большой, самый вкусный первый глоток. И тут же поймал себя на очень необычном чувстве. Два ощущения, диаметрально противоположных друг другу. Тело Рудольфа автоматически насладились вкусом привычного напитка, с удовольствием сделав первый глоток, а сам Барок разве что не выплюнул мерзкую горечь. Он это не пьет. Он всегда ненавидел это гнусное пойло, которое варят эти скряги в своих норах....

Кто?! ... Где?! ... Он что, знает этот напиток? Он? Сам? Память запаха и вкуса оказалась сильнее волн полумрака. Барок подпрыгнул с обволакивающего тело дивана и заметался по комнате, стараясь сохранить ускользающее воспоминание, тающее в голове, как незаконченный утренний сон. Нет! Не уходи! Постой....

Ушло. Опять ушло. В отчаянии Барок опустил на пол. И так замер, уставившись в одну точку. Иногда груз беспомощности становится чересчур тяжел. Из оцепенения его вывела, как ни странно, жажда. Захотелось пить. Барок встал. И, криво ухмыльнувшись, понял, что пить, собственно, есть только то, что в бутылках. За водой придется идти на кухню отдельно, она к участию в празднике не планировалась.

Он обернулся: на столе терпеливо ожидал хозяина начатый бокал. Гр-р-р. Барок зарычал, в очередной раз стряхнул с себя навалившееся бессильное отчаяние и решительно подошел к столу. Поднял запотевший бокал и всмотрелся в золотистую жидкость. Воину не пристало сожалеть, ему пристало идти вперед и брать то, что хочется. Праздник у него, или не праздник? Так и нечего портить себе настроение. Барок оскалился, накачивая себя веселой злостью, и

высоко поднял бокал, салютуя неведомым силам, позволившим ему обрести вторую жизнь. Здоровье богов!

В голове испуганно сжался Рудольф.

Барок пил жадно, большими глотками. Бокал кончился за несколько секунд. Долой вторую крышку. А даже интересно пить пиво с таким, двойным, вкусом. В этом что-то есть. Жажда кончилась на середине третьей бутылки. Наслаждаться животным ощущением сытости больше не хотелось. Хотелось почувствовать вкус. Барок откинулся на спинку дивана. Голова приятно затуманилась. Он с удовольствием ловил это состояние, стараясь подхватывать не только воспоминания Рудольфа, но и осколки собственной жизни. Остаток бокала Барок долго катал на языке, не столько чувствуя вкус (к третьему бокалу вкус уже притупился), сколько втайне надеясь еще раз поймать то воспоминание, которое посетило его в начале. Тщетно. Барок вздохнул и потянулся за четвертой бутылкой. И почти сразу понял, что пива больше не хочется. Приятное расслабление уже владело его телом. Барок развалился на диване, рассматривая обстановку, которая с каждой минутой становилась все красивее и уютнее. В мутнеющей голове промелькнуло запоздалое сожаление. А как было бы здорово, если бы вместе с бокалом пива к нему вернулась вся его память....

Подождите, Барок даже сел на диване, прогнав расслабленность. А ведь если у него так получилось с пива, то не исключено что.... Он оценивающе осмотрел разнокалиберные бутылки. А это идея. Праздник-то может принести и не только хорошее настроение....

Ух ты, а с первого раза попасть на крышку не получилось. Эт-то что такое? Разъясните. Он привычно посмотрел внутрь головы. Но теперь за сознанием потянулись и глаза. На пятой смене «блюдо» к приятнейшей расслабленности мыслей добавилась не менее приятная расслабленность всего тела. А глаза что, не тело? Завернувшись куда-то наверх, как смогли, они вместе с внутренним взглядом постарались укоризненно уставиться на серую пелену. Ничего хорошего из этого не вышло. Глазные мышцы тут же заныли, голова завернулась, и Барок чуть не сверзился с дивана. Неодобрительно хрюкнув сквозь все сильнее расслабляющееся бытие, он развернул глаза обратно, и все же высказал «соседу» свое неудовольствие.

– Эта чо такое, а? – язык, как ему казалось, работал нормально, а вот накатывающее раздражение явно было в новинку. – Ты чо мне подсунил? Мала таво, шшо этто тело километра пройти не может, шобы не рухнуть, так оно еще и пить не в састаянии. Этта как понимать, а? Отвечать!

Последний приказ Барок постарался рывкнуть как можно грознее. В ответ из головы донеслось что-то невразумительное. Барок прислушался.

– Нич-чо не понял, – прорычал он. – Еще раз.

Понятнее не стало.

– С-слизень, – презрительно плюнул куда-то себе в голову Барок. – Настыющий мущина должн быть готов в бою всегда. Слышь? Всегда.

Он моргнул вдруг странно потяжелевшими веками.

– Учись, как это делает воин.

Опершись на диван, Барок встал. Комната тут же убежала в сторону.

– Нич-чо се, – пробормотал Барок и погрозил вертящимся стенам. – Стаять. Никто никаво не отпускал.

Немного повыпендривавшись, комната все же замерла. Правда эта неподвижность в любой момент была готова вновь смениться совершенно возмутительным кружением.

– А-а, – сладко улыбнувшись, Барок погрозил комнате пальцем. – Тоже на месте не можешь сидеть? Понима-а-ю.

Он опять повернул сознание внутрь. Чуть не рухнув, правда, при этом: вертеть что-либо становилось все проблемнее и проблемнее.

– Эй, червяк, – позвал он и вдруг икнул. – Ик... , гляди на танец воина.

Тесак все еще торчал сзади за ремнем. Барок, качнувшись, выхватил его и принял самую воинственную позу, которую мог себе представить. Что-то в ней ему показалось не так, и он чуть переменял положение руки. И вдруг поймал... . Опиет поймал свое прошлое.

Рука сама собой повела заржавленное лезвие плавным движением, очерчивающим линию, за которую не мог пройти ни один враг. Ноги, те самые ноги, которые только что с трудом удерживали шатающегося Барока, вдруг обрели былую силу. Не спрашивая голову, они сами собой начали плести замысловатый танец, ведя за собой послушное тело. Левая рука подтянулась к корпусу, одновременно прикрывая жизненно важные органы и готовясь ударить открывшегося неведомого противника. Барок поплыл в ритме боя, жадно ловя каждое мгновение своего приоткрывшегося прошлого. Просверк лезвия – и в голове вспыхивает темный зал, где напротив него кружится такой же воин. Лица не разобрать, как ни старайся. Наклон, уход, выпад – и смена декораций. В глаза бьет яркое солнце, так неправдоподобно весело играющее на окровавленном клинке. Рядом два тела. Враги? Друзья? Смутные тени движутся вокруг. И опять не видно лиц.

Удар! Свободная рука выстреливает змеей, жалит, возвращается назад, а широкое лезвие тесака уже отсекает пытающееся ворваться за ней острое жало. Барок вкладывает в разворот весь вес своего тела...

Но неведомый противник оказывается хитрее. В ноги суется что-то твердое, они подламываются, Барок падает, понимая, что это конец, он проиграл, сейчас над ним точно так же пропоет свою песню торжествующий клинок врага...

Дзынь, трах, тресь! В мир прыжком вернулась комната, только повернутая под каким-то странным, необычным углом. Бой кончился. Враги ушли. Память тоже.

Барок с трудом сел, сфокусировал неожиданно тяжелый взгляд и попытался вспомнить. Кто он, где он, что произошло? Куда он попал? Ведь только что был дома... . Посмотрел на пол, на котором лежал. На сломанный стул, так не вовремя попавший под ноги. И вспомнил.

– Детос таго-о-оч! – подстегнутое алкоголем разочарование охватило его всего.

Нет, только не это! Это не его дом, это не его мир. Это не он, это жалкий червяк, в теле которого он оказался. И нет выхода, он обречен. Навеки обречен доживать свой, уже совсем короткий век в этом жалком подобии живого существа. Прикован к нему. Не-е-е-ет!

Мутная ярость, густо перемешанная с вновь накатившим отчаянием и алкоголем, вздернула Барока на ноги. Тесак зашипел, чертя ржавую полосу вокруг него.

– Не-на-ви-жу! – Барок завертелся волчком, круша все, что попадалось на его пути. Гостиную наполнили звон и грохот. Что-то падало, разбивалось, разлеталось на куски. Барок вертелся, как сумасшедший, стараясь дотянуться до всего мира, который он так хотел поменять на тот, другой. Но реальный мир оказался сильнее вымышленного.

Он очнулся на полу. То есть, не совсем чтобы очнулся. Голова все так же старалась уплыть куда-то в сторону. Глаза с трудом фокусировали окружающую обстановку. Но это уже был только один мир. Все тот же мир Алидады. Его новый, чужой мир.

Барок с трудом поднялся на неверные ноги. Добрел до дивана. Тяжело рухнул на обволакивающую тело поверхность. И долгие минуты смотрел вникуда, стараясь смириться, принять его новый, еще недавно так радовавший его мир. Мир, где ему придется состариться и умереть.

Барок закрыл глаза. Накатила грусть. Серая, похожая на волны полумрака тоска. И стало одиноко, как никогда. До пьяной боли обидно за... . За что, Барок сформулировать не смог, но обида от этого меньше не стала. Да что он в самом-то деле... . Напивается в одиночку тут, как ... не знаю, кто.

– Эй, – негромко позвал он, открыв глаза. – Эй, червяк, тьфу ты, Рудольф. Ты там жив еще?

Молчание и тишина. Только где-то далеко за окном вскрикнула в ночи какая-то птица. Алкоголь и отчаяние сделали свое дело. Захотелось поговорить. А с кем? Как с кем? С «соседом», конечно.

– Эй, Рудольф, – Барок покаянно, неровным жестом, прижал руку к груди. – Ну прости. Да ладно, чо ты там дуешься? Ну, давай выпьем.

В голове прошелестел неуверенный ветерок.

– Смори, – Барок, путаясь в руках, выставил рядом две рюмки. Свою и еще одну. – Мы с тобой ужже пиво пили? Пили. Водку пили? Пили. Коньяк?

Ветерок прошелестел еще раз. Теперь в его шелесте слышалось осторожное предостережение.

– Да з-забудь ты, – отмахнулся Барок. – Могут два муж-жика хоть раз паз-зволить сее отдохнуть? Смори, – он ткнул пальцем в бутылку с водкой. – Коньяк мы уже пили. Даж-же вино, кислятину эту, ик..., тоже пили.

Ветерок горестно вздохнул.

– Точно, – обрадовался непонятно чему Барок. – Теперь осталось еще эта, как ее....

Он наклонился к еще нескрытой бутылке и постарался прочесть название.

– Вис-ки, во, – обрадовался он, скручивая пробку и разливая коричневую жидкость по рюмкам. – Давай, сосед, выпьем.

Он поднял обе рюмки и удивленно посмотрел на них. Потом сообразил.

– А, тошно, ты ж не можешь, – он пьяно расхохотался. – У тебя ж этой, как ее... глотки нет. Ну ничо, я за тебя выпью. А ты, ик..., порадуешься....

Он резким движением влил в себя первую рюмку.

– А потом расскажу чево, – просипел он и воткнул в рот вторую.

Ветерок в голове сочувственно сощурился.

Следующий (и последний) час «праздника» Барок встретил, сидя на полу и исполняя для «любимого соседа» какую-то песню. Тоскливые тягучие напевы мерно плавали по комнате, добавляя грусти этой пьяной ночи. Барок пел песню на незнакомом языке и сам плакал под ее грусть. Он не знал, откуда берутся эти слова. Он не помнил, откуда он взял эту мелодию. Но он пел. И плакал. Помня, что где-то далеко-далеко есть кто-то, кто может услышать эту, песню, понять ее и погрустить вместе с ним.

За окном темная ночь все сильнее укутывала своим покрывалом дом, стоящий в лесу, и свет одинокой лампы, единственной горевшей в доме, был не в силах с ней бороться, поне-многу отдавая тьме маленький яркий круг, в котором плакал о несбываемом мире невысокий человек с повисшими, нетренированными плечами. Праздник заканчивался....

Пробуждение было жутким. Барок и забыл, что такое похмелье. Вернее и не знал. Как и многие другие явления в новой жизни, утренние страдания он ощутил, только столкнувшись с ними лицом к лицу. И так во всем. Спорт, еда, дом.... А что его ждет еще?

Перемешавшись с диким отвращением к жизни, этот вопрос скрутил Барока и пинком выпихнул из кровати в туалет. Шатаясь на подгибающихся ногах, давая себе одну страшную клятву за другой (чтобы он... еще раз... эту гадость... да никогда в жизни... ни за что) Барок добрался до унитаза. Ой. Да уж.... Что он тут убирался позавчера, что не убирался....

В его голове тут же вспыхнули события прошедшего праздника. Той его части, которая имела непосредственное отношение к событиям, произошедшим *после* того, как процесс питания был благополучно завершен.

Барок как будто еще раз почувствовал, пережил, увидел воочию, что вчера было.

Его рвало. Нет, не рвало. Он блевал. Блевал, выворачиваясь наизнанку. Хрипя, давясь и кашляя. Внутренности, казалось, все одновременно решили сбежать из терпящего бедствие тела. Плохо, ой плохо. Плохо было настолько, что Барок, наплевав уже и на безопасность, и на все свои страхи, даже отошел на некоторое время в сторону, отдав контроль над телом (а заодно и все ощущения) Рудольфу. Это было более чем жестоко и абсолютно нечестно по отношению к несчастному «соседу», но Барок никогда и не присваивал себе звание главного поборника справедливости. Не сумел отстоять свое тело – терпи теперь.

Рудольфа трясло. Он сипел, плевался, пытался отжаться от унитаза непослушными руками, но выходило плохо. Едва отвалившись от белой урны, через несколько минут он вновь заглядывал внутрь, издавая утробные звуки. Барок, с затаенным ужасом наблюдавший за его страданиями, насчитал шесть подходов, прежде чем Рудольф (вот умница, зар-раза) придумал, как избавиться от «почетной» должности блевателя. Оставив в покое унитаз, он, наплевав на тягучие позывы, как был, на четвереньках, ринулся к неработающему ком-центру с более чем явными намерениями кому-нибудь позвонить.

Детос тагоч, Бароку пришлось содрогнуться, но вернуть себе власть над телом. Вместе со всеми прилагающимися страданиями. А-а-а. О повторном наказании наглеца сейчас, к сожалению, не могло быть и речи. Переход от стороннего наблюдателя к непосредственному участнику «послепраздника» был настолько резок и болезнен, что Барок впервые за все это время добрым словом вспомнил тихие и уютные волны полумрака.

И последнее, что он ощутил перед тем, как с головой погрузиться в новые волны, волны тошноты, было деликатное напоминание Рудольфа о том, что он ведь предупреждал, пытался....

День прошел, как в дурном сне. Когда выпотрошенный желудок все же убедил остальное тело с головой заодно, что он больше не способен ничего вкладывать в общее дело очищения, походы в туалет прекратились. И накатила слабость. Барок несколько часов провалялся, закутавшись во все тот же старый и потрепанный плед, памятный по первым обнаруженным чувствам. Он то выныривал из накатывающей одури, то погружался в нее вновь. Блевать, хвала всем богам, больше не хотелось. Есть (бр-р-р) – тоже. Хотелось пить, но не столько от жажды, сколько от смутной надежды погасить полыхающий внутри гнусный грязно-зеленый огонь. И Барок пил. Заставлял себя встать, вставал, шел на кухню, шатаясь на ватных ногах, наливал себе воды и пил. Легче не становилось. Вода липким холодным шаром каталась в желудке, только усиливая чувство мерзости, но через некоторое время Барок все равно вставал и опять шлепал на кухню, повторить экзекуцию. Просто для того, чтобы не лежать все время, ощущая накатывающую дурноту.

А потом он провалился-таки в сон. Рваный, неприятный и тяжелый, сон все же принес некоторое облегчение. Дальше дело пошло легче. Поспать получилось еще и еще. Барок даже смог заставить себя немного поесть. И удержать съеденное внутри. В общем, к наступлению сумерек жизнь кое-как вернулась в свою колею, оставив позади длинный и глубокий след, в котором огромными буквами было прописано напоминание о бездарно потерянном дне. Барок счел, что предупреждения хватит надолго.

К ночи он оклемался практически полностью, и можно было отправляться в постель без опаски. Барок посмотрел в окно, за которым чернела ночная темнота, ревизовал состояние организма, констатировал норму и с наслаждением вытянулся на кровати. На сей раз он собирался проснуться полностью здоровым.

– Эй, Рудольф, – позвал Барок. – Слышь, сосед. Поздравляю с победой над похмельем. Спокойной ночи.

Рудольф промолчал. Барок ухмыльнулся и закрыл глаза. Ф-фух, отмучался.

И только появившаяся пару часов назад легкая головная боль немного отравляла жизнь. Хотя после всего произошедшего считать ее проблемой было несерьезно. Так, мелкая неприятность.

## Глава 8

На следующее утро он уже так не считал. Головная боль было первое, что он ощутил после пробуждения. Еще не дикое, разламывающее голову чувство, но уже тонкая, тоскливая нота, ровным фоном звучащая в голове и обещающая вскоре превратиться в проблему.

Время пробуждения утром было назвать сложно, все же два часа дня, но дождливая хмарь на улице, спрятавшая оба солнца Алидады за плотным одеялом низких облаков, свела на нет любую разницу ощущений, оставив Барока наедине с разгромленной комнатой (кто ж вчера убирал-то?) и тихо ноющей головой.

Барок в очередной раз проклял привычно обидевшего Рудольфа за такое неприспособленное к жизни тело и попытался заняться делами. Хочешь, не хочешь, а уборку было делать надо, и еду готовить – тоже. С едой вышло просто: та самая, странно жужжащая машина с удовольствием слопала брикет, подсказанный памятью Рудольфа, и выдала с другой стороны вполне себе приличный кусок мяса. Барок его съел, сказал спасибо и, горестно вздохнув, отправился убираться в компании с непрекращающейся головной болью.

Когда он закончил (эта уборка уже становилась почти проклятьем, Барок начал понимать Рудольфа с его бардаком), время склонилось к вечеру. И без того сумрачный день, испятнанный косым дождем, тихо отклонялся, извинившись за неудачную попытку. Дом опять был чист, есть не хотелось, хотелось отдохнуть. Но и тут Бароку не суждено было расслабиться. Треклятая головная боль, как и обещала, не только не ушла вместе с выкинутым мусором, а вовсе наоборот: обрадовалась чистоте и по-хозяйски заняла все свободное место и время. Вот тут Барок затосковал по-настоящему. Каждое движение приносило горячую волну, делящую голову на две половины и наделяющую каждую из них своим особенным ощущением. Глаза слезились, тело отказывалось двигаться, нужно было срочно что-то решать.

А что тут решать? Барок привычно обратился к памяти все так же молчащего Рудольфа. Память услужливо подсказала: таблетки. Спасибо. А какие? И где?

Поход в ванную облегчение принес не сразу. В указанном ящике между полуоткрытыми коробками каких-то лекарств Барок честно попытался найти белую с красным пластиковую бутылочку с полустертой надписью. Нашел.

– Оно? – хрипло вслух поинтересовался он у Рудольфа и постарался прочесть неразборчивое название. – ... «...радость». Причем тут радость?

Барок озадаченно нахмурился, и тут началось что-то странное. Память, та самая, отвоеванная у Рудольфа память, вдруг замолчала. Напрочь. Не вся, только та, которая отвечала за эти таблетки. Что такое? Барок, морщась от накатывающих волн боли, попытался разобраться, куда оно все делось. И каково же было его удивление, когда слабые следы исчезнувших воспоминаний привели его ... к серой стене в их общем сознании. Туда, куда Рудольф спрятал все самое ценное и личное.

– Зачем оно тебе? – совершенно искренне изумился Барок. – Воспоминания больного детства?

Рудольф молчал.

– Эй, – у Барока не было времени на миндальничанье, голова грозила развалиться уже в ближайшие несколько минут. – Заканчивай придуриваться. Что там такого? Это они, или нет?

Тишина. Рудольф, казалось, вообще исчез из его головы. Да что происходит, в самом-то деле?! Барок еще пошарил рукой в груде медикаментов и добыл еще одну бутылочку. Тоже с полустертой красно-белой надписью. Он опять попытался найти что-либо в своей обделенной памяти, но все, что относилось к «красно-белой бутылочке» было заблокировано. Барок нахмурился: Рудольф что, издевается? Или решил угробить его посредством головной боли?

Он перевернул все оставшиеся коробки: больше ничего похожего, а все, что лежит в шкафчике – это точно лекарства. Угу, Барок выставил на полку перед собой обе бутылочки. И что ему делать? Последняя попытка узнать хоть что-нибудь.... Без толку. Ну, гад, подожди у меня. Вот только бы голову вылечить....

Таблетки в коробочках были одновременно и похожи друга на друга и нет. Красными они были и там и там. Вот только на таблетках в первой из обнаруженных бутылочек улыбалась задорная мордочка, ловко нарисована одним штрихом, а во второй – всего лишь две рукописные буквы «в» и «н». И чего это? «Внимание»? Он осторожно прислушался к своему сознанию. Бесполезно. Никакой помощи. Барок даже негромко взвыл от злости. Голова болела все сильнее, надо было срочно определяться.

Барок собрал в кулак остатки мышления, до которых боль еще не добралась, и попытался принять решение. Итак: что такое эти буквы, он не понимает, а улыбающаяся мордочка выглядит довольно безобидно. В шкафчике лежат только лекарства, так что отравиться он рискует не очень сильно. Ой, как голова-то болит. Ну? Определяемся? Барок поднес к губам таблетку с мордочкой... и неожиданно другой рукой закинул в рот «буквы». Что, Рудольф, получил? Он воткнул мысленный взгляд в серую неподвижную пелену, и расстроился: ни звука. Ни движения, ни вдоха. Ни-че-го. Вот так, значит? Ну что же, получи. Таблетка с мордочкой тоже отправилась в живот. Что теперь скажешь? Тоже ничего? Как так?

Ах ты, червяк. Барок обозлился окончательно. Ну, раз тебе все равно, что происходит с твоим телом, то, может быть, сейчас ты соизволишь хоть на секунду выглянуть из своей раковины?

Барок одним махом вытряхнул на ладонь горсть задорно улыбающихся мордочек, на мгновение замер, ожидая реакции, не дождался, и залихватским жестом отправил их в рот. Ну что, соседка, помирать вместе будем? Тело-то не только мое....

И расплылся в довольной улыбке: Рудольф все-таки не выдержал. Серая стена дрогнула, пропуская какое-то сообщение, ... и вновь окаменела. Барок вцепился в полученную информацию. Это было ... ехидное пожелание удачи.

Барок озадаченно почесал затылок: это он что имел в виду?

Ответ он получил уже через полчаса, когда боль ушла. Из головы. И перешла.... Нет, ну, не совсем, чтобы перешла именно боль, но....

Барок изумленно уставился на свои штаны. Это вот так действуют таблетки от головной боли? Что это? В штанах, на месте приспособления для слива из организма лишней жидкости вспух огромный пульсирующий бугор. Все ощущения, как будто сговорившись, устремились к нему. Что происходит? Барок судорожно зашарил по закрамам памяти и обнаружил, что информации по этому поводу тоже нет. Совсем. Этот небольшой шланг в его штанах был предназначен только для походов в туалет и точка. Да не может такого быть. Барок, путаясь в разбегающихся мыслях (да что такое? куда вы? зачем вам всем этот бугор?) все же нашел, куда спрятались все знания на эту тему. Опять Рудольф! Нет уж, на сей раз ты все отдашь. Барок рванул на себя перегородку в голове..., и покачнулся, чуть не потеряв сознание от удушья: эту информацию Барок посчитал личной и жизненно важной. Скорее умрет, чем поделится.

Ой-ой-ой, бугор в штанах начал привлекать к себе непростительно много внимания. Барок заскакал по комнате. Чувство, охватывающее его, вполне можно было сравнить с болью. А вдруг он тоже сейчас умрет? Ой-ой-ой!

И Рудольф сжалился. Через серую пелену аккуратно, чтобы не выдать творящееся за ней, просочилось короткое сообщение. Барок на секунду замер. Что значит: от этого еще никто не умирал? Делать-то чего? Серая пелена вздохнула и добавила еще капельку информации: женщины.

Точно! Женщины! Женщины, женщины, женщины. Барок сорвался с места, побежал ... и тут же остановился опять, скривившись от странной боли в штанах. Куда бежать? Что женщины? Какие женщины?! «Ты, скотина», мысленно заорал он на Рудольфа. «Что женщины? Что с ними делать, где их брать? Ты так и будешь по капле выдавливать из себя эти сказки? Да что в этом такого личного, чтобы из-за этого умирать? От-ве-чай!»

Барок схватился за серую перегородку и затряс ее изо всех сил: чувство в штанах становилось неопишным и невыносимым.

Перегорodka предупреждающе сжалась: не трогай, а то вообще ничего не будет. Барок, стирая зубы в судорожном скрипе, отодвинулся, втайне обещая Рудольфу все мыслимые пытки, которые он сможет придумать. «Ну, дальше. Говори, что делать, помираю». Перегородка пропустила сквозь себя местонахождение ... картинок.

Чего? Барок оторопело рванул в спальню только для того, чтобы не стоять на месте, изнывая от тянущего чувства. Какие, в ...у, ему еще картинки?

Ух ты! А картинки оказались те самые. Стопка жестких носителей, на которых лежали, стояли, сидели, изгибаясь в разных позах, молодые обнаженные женщины затрясла в дрожащих руках Барока. Память по-прежнему не говорила ничего о том, как нужно использовать этих самых «женщин», чтобы бугор успокоился, но из глубины тела начало расти какое-то странное, дикое чувство. Он что-то про это знает? Барок замер, стоя на пороге чего-то необыкновенного. Но чего? Детос тагоч, да что же этот гад творит? Рудо-о-ольф!!!

Очередное сообщение связало воедино пульсирующий бугор и картинки. Барок вытаращил глаза: и что он должен делать? Секундное колебание... Он схватил одну из картинок, на которой широко развела длинные ноги облизывающая губы молодая девушка, и изо всех сил воткнул ее в бугор. Уй-уй-уй, Барок скрючился, выпустив из рук картинку. Девушка с длинными ногами издевательски продолжала улыбаться ему с пола: ничего, кроме очередной тянущей волны, она ему не принесла. В голове досадливо скривился Рудольф.

«Как «не так»?», зашипел на него держащийся обеими руками за бугор Барок. Он подхватил с пола картинку, почти с ненавистью уставившись на девушку, перевернул ее вниз головой и повторил попытку.

От грома раздавшихся вслед за этим ругательств, казалось, задрожали даже окна. Смысл их сводился к простой истине: девушка не пригодилась опять. Что, не та картинка?

Вот тут Рудольф сдался. Барок был готов вцепиться ему в горло зубами прямо сейчас, но теперь уже почти все его существо сконцентрировалось вокруг пульсирующего бугра. Думать, серьезно думать, больше уже не получалось ни о чем. Пришлось слушать стыдливые (да почему стыдливые-то, соседка?) намеки бывшего хозяина взбесившегося «шланга».

Итак, где водятся эти самые «женщины», которые предназначены для него? Барок, указывая, скосил глаза вниз, на штаны. Потом перевел взгляд на все еще улыбающуюся с картинки девушку. Где их, вот таких, брать?

Рудольф осторожно предупредил, что именно таких, скорее всего ему нигде брать и не придется, потому как их и не найти, и они с ним, Рудольфом-Бароком, никуда не пойдут. Барок только отмахнулся: не твое дело, проблемы мои, ты скажи только, куда идти. Кстати, а другие, что, подойдут для избавления от отравляющего жизнь бугра? Рудольф уверил, что подойдут, потому как основная точка приложения усилий у всех женщин одинаковая. Да? Барок подобрал с пола облизывающуюся девушку и с недоверием уставился на аккуратную полоску между ее ног. Вот это?

Он обратился к Рудольфу, соотнося пульсирующий бугор и картинку: и чего тут было стыдиться? Давай, рассказывай, как их совмещать, чтобы вылечиться? Серая пелена в голове вдруг приобрела какой-то странный, розоватый оттенок. С чего бы это?

Ох! Барок как-то неудачно повернулся, бугор зацепился за штаны, и все мысли разом превратились в одно-единственное всеобъемлющее желание разрешить эту проблему раз и

навсегда. Любым путем. Барок налился дурной кровью: соседка, родной, не дай погибнуть, куда идти-то?

В тоне Рудольфа промелькнуло что-то странное, подозрительное. Как будто он замыслил какую-то гадость. Интонации были сродни тому, как он пытался добраться до ком-центра. В другое бы время Барок врезал бы ему от души за такие фокусы, но сейчас ему было не до того. Да и не до чего вообще. Все его естество превратилось в огромный пульсирующий бугор между ног. Ну и таблеточки, детос тагоч ....

Рудольф все же решил. Поданная информация все так же имела четкие рамки, за которыми пряталось еще много других знаний и эмоций, но сейчас она была хотя бы определенной. В голове Барока возникли вполне конкретные образ и адрес бара, куда вечерами приходят те самые женщины, пригодные для успокоения бунтующего бугра. Рудольф даже расслабился настолько, что не удержал одну, особенно яркую (видно сильно его зацепившую в свое время) эмоцию, и перед глазами Барока встало лицо женщины. Не такое гладкое, как на картинках, да и постарше, но довольно симпатичное. Рудольф тут же спохватился, потянул лицо женщины на себя, но было поздно. Барок уже схватился за конкретику и отпускать не собирался. Использовать сейчас, впрочем, тоже: он уже со всех ног летел к ангару, где еще нужно было раскочегаривать двигатели бота. До бара, по оценкам Рудольфа, лететь было минут тридцать. Бегущий Барок изо всех сил тарашил глаза и стискивал челюсти: детос тагоч, только бы не сдохнуть. Какие уж тут личные воспоминания «соседа»....

Полет оказался еще более изощренной пыткой. Почти неподвижно сидеть на одном месте, чувствуя каждую вспышку в пульсирующем бугре было невыносимо. Через двадцать пять минут Барока вполне можно было помещать в дома, где лечат, как подсказывала память Рудольфа, людей с серьезными нарушениями психики. Сумасшествие, накачанное бугром, стало настолько навязчивым, что перепугался даже сам Рудольф. Ироничное тихое хихиканье, регулярно доносившееся с его стороны в начале полета, сменилось вполне конкретными объяснениями и инструкциями, как и когда себя правильно вести. И все бы было хорошо, но «любезный сосед» опоздал. Все это весьма и весьма пригодилось бы Бароку еще минут пятнадцать назад. А теперь было поздно. Из объяснений Рудольфа Барок уяснил, какие именно движения нужно делать, когда он, наконец, доберется до конкретной, живой женщины, и на этом емкость его сознания закончилась. Весь остальной лепет все сильнее осознающего масштабы грядущего бедствия Рудольфа соскальзывал с остекленевшего взгляда Барока, бесследно растворяясь в проносящейся за стеклами бота ночи. К моменту прибытия в бар Рудольф уже почти кричал, будучи готов поделиться вообще любой информацией с летящим вперед Бароком, но того было уже не остановить.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.